

20

TALLINNA POLÜTEHNILISE
INSTITUUDI TOIMETISED

ТРУДЫ ТАЛЛИНСКОГО
ПОЛИТЕХНИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА

СЕРИЯ Б

№ 20

ТРУДЫ
ПО ФИЛОЛОГИИ

I

Er. 6.118

TALLINNA POLÜTEHNILISE INSTITUUDI TOIMETISED
ТРУДЫ ТАЛЛИНСКОГО ПОЛИТЕХНИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА

СЕРИЯ Б

№ 20

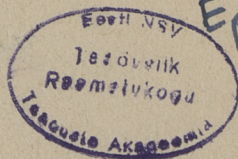
1967

ТРУДЫ
ПО ФИЛОЛОГИИ
I

ТАЛЛИН 1967

СОДЕРЖАНИЕ

	стр.
1. Л. Рандма. Выражение двучленного английского пассива в эстонском языке	3
2. Л. Рандма. Выражение трехчленного английского пассива в эстонском языке	29
3. О. Н. Семенова. О передаче семантической сложности текста на эстонский язык (На материале перевода романа А. Н. Толстого «Петр I»)	57

Л. Х. Рандма

ВЫРАЖЕНИЕ ДВУЧЛЕННОГО АНГЛИЙСКОГО ПАССИВА В ЭСТОНСКОМ ЯЗЫКЕ

Перевод пассивных конструкций английского языка на эстонский язык представляет большие трудности, так как в эстонском языке не существует грамматической категории, которая точно соответствует английскому пассиву по своей грамматической форме и значению.

Согласно теории перевода в языке перевода должно быть передано смысловое содержание подлинника. Следовательно, при переводе грамматических категорий следует передавать их функцию теми языковыми средствами, которые используются в языке перевода для выражения данного понятия, несмотря на то, что эти средства по своему формальному характеру часто не совпадают с элементами подлинника.¹

Грамматические конструкции подлинника должны функционально соответствовать переводу, т. е. субъекту подлинника должен соответствовать логический субъект в языке перевода безотносительно к тому, выражается ли он подлежащим или дополнением предложения.

¹ А. В. Федоров. Введение в теорию перевода. Москва 1958. Б. А. Ларин. Наши задачи. Сб. Теория и критика перевода. Л. 1962. Л. С. Бархуларов. Общелингвистическое значение теории перевода. «Сб. Теория и критика перевода». Л. 1962. С. С. Толстой. Как переводить с английского языка. Москва 1960. В. Н. Комиссаров, Я. И. Редкер, В. И. Тархов. Пособие по переводу с английского языка на русский, часть I. Москва 1960. А. Л. Пумпянский. Чтение и перевод английской научно-технической литературы. М. 1962. Э. Ф. Скороходько. Вопросы перевода английской технической литературы. Киев 1960. А. Л. Пумпянский. Введение в практику перевода научной и технической литературы на английский язык. Москва 1965. М. М. Морозов. Пособие по переводу русской художественной прозы на английский язык. Москва 1956.

On Translation. Cambridge, Harvard University Press, 1959.

Структуральный анализ и трансформационная теория, широко используемые в машинном переводе, также требуют в последнем счете адекватной передачи смысла подлинника².

Английский и эстонский язык принадлежат как в генеалогическом, так и в типологическом аспекте к различным языковым системам. Поэтому имеются большие расхождения в их грамматических категориях. Категорией, наиболее соответствующей английскому пассиву, является пассивная конструкция эстонского языка — *umbisikuline tegumood*. Но наблюдаются большие различия между английским пассивом и эстонской пассивной конструкцией в генеалогическом, формально-грамматическом и содержательном аспекте.

Пассив в английском языке, восходящий генеалогически к индоевропейскому медиуму, развился в связи с развитием аналитической системы английского языка, исчезновением морфологических форм и безличных конструкций, в связи с ограничением возможностей порядка слов и со своеобразным развитием переходности глагола.³ Вследствие этого пассивная конструкция в английском языке получила новые функции, например функцию выражения коммуникативного содержания предложения, которая прежде принадлежала

---

² М. М. Ревзин, В. Ю. Розенцвейг. Основы общего и машинного перевода. Москва 1964. В. Ю. Розенцвейг. Перевод и трансформация. Тезисы докладов на конференции по структурной лингвистике, посвященной проблемам трансформационного метода. Москва 1961. В. Ю. Розенцвейг. Языковая практика и лингвистическая практика. Дискуссии и обсуждения. «Вопросы языкознания» № 2, 1966. О. М. Барсова. Основы проблемы трансформационного синтаксиса (на материале английского языка). «Вопросы языкознания» № 4, 1965. И. А. Мельчук. Автоматический, синтаксический анализ I, 1964. «Вопросы языкознания» № 2, 1966.

Zelling, S. Harris. Transformational Theory «Language» Vol. 41, Nr. 3, Part I, July, September 1965. N. Chomsky. Syntactic Structures. 1957. Massachusetts Institute of Technology. Paul Roberts. English Sentences. New York 1962. R. T. Harms. Estonian Grammar. Bloomington 1962.

³ А. Н. Савченко. Древнейшие грамматические категории глаголов в индоевропейском языке. «Вопросы языкознания» № 4, 1955. А. Н. Савченко. Происхождение среднего залога в индоевропейском языке. Развитие залоговых противопоставлений в древних германских языках и становление форм страдательного залога. Докт. дисс. М. 1954. В. Н. Ярцева. Исторический синтаксис английского языка. М. 1961. К. Бруннер. История английского языка, том II. Перевод с немецкого под редакцией проф. Б. А. Ильиша. М. 1956. В. Н. Жигадло, И. П. Иванова, Л. Л. Иоффик. Современный английский язык. Л. 1948. О. М. Москальская. Грамматика немецкого языка. М. 1956. А. И. Смирницкий. Синтаксис английского языка. М. 1957. Л. С. Бархударов, Д. А. Штеллинг. Грамматика английского языка. М. 1960. О. Есперсен. Философия грамматики. М. 1958. А. Мейе. Введение в сравнительное изучение индоев-

другим грамматическим категориям, таким как порядок слов и т. д.⁴ В результате этих изменений в структуре языка, пассив стал шире применяться в английском языке, чем в каком-либо другом.⁵

ропейских языков. М. 1938. М. М. Гухман. Развитие залоговых противопоставлений в древних германских языках и становление системы страдательного залога. Докт. дисс. М. 1954.

K. Brugman und B. Delbrück. Grundriss der vergleichenden Grammatik der indogermanischen Sprachen. Syntax. Strassburg 1900. E. H. Sturtevant. The Origin of the Mediopassive. «Language», vol VII, N 7, 1931. T. Mustanoja. A. Middle English Syntax, Societe Neophilologique I. Helsinki 1960. O. Jespersen. A Modern English Grammar on Historical Principles. London 1931. H. Poutsma. A. Grammar of Late Modern English. Groningen 1926. E. Kruisinga. A Handbook of Present Day English. Groningen 1925. H. Sweet. A New English Grammar. Oxford 1885. G. Curme. A. Grammar of the English Language. London 1931. G. Sheurweghs. Present Day English Syntax. Longmans 1961. R. W. Zandvoort. A Handbook of English Grammar. Longmans 1958. N. Chomsky. Syntactic Structures. Massachusetts 1957. Paul Roberts. English Sentences. New York 1962. Archibald A. Hill. Linguistic Structures. New York 1958.

⁴ О. Есперсен, *Философия...*, стр. 166. П. В. Таванец, *Вопросы...*, стр. 37 и др. П. С. Попов, *Суждение...*, стр. 18 и др. П. С. Попов. *Суждение и предложение. Вопросы синтаксиса современного русского языка.* М. 1950, стр. 28 и др. П. С. Попов. *О логическом ударении.* «Вопросы языкознания» № 2, 1961, стр. 87 и др. А. Н. Шахматов. *Синтаксис русского языка.* 1941, стр. 21 и др. О. А. Лаптева. Чехословацкие работы последних лет по вопросам актуального членения предложения. ВЯ № 4, 1963, стр. 120 и др. К. Г. Крушельницкая. Смысловая функция порядка слов в немецком языке. Ученые записки ВИИЯ, вып. 5, 1948. К. Г. Крушельницкая. К вопросу о смысловом членении предложения. ВЯ № 5, 1956, стр. 55 и др. К. Г. Крушельницкая. Очерки по сопоставительной грамматике немецкого и русского языков. М. 1961, стр. 196 и др. О. И. Москальская, *цит. соч.*, стр. 321 и др. А. И. Смирницкий, *цит. соч.*, стр. 108 и др. В. З. Панфилов. Экстралингвистические и внутрilingвистические факторы в функционировании и развитии языка. Теоретические проблемы современного советского языкознания. М. 1964, стр. 76 и др. М. Гухман, *цит. соч.*, стр. 125 и др. Б. А. Ильиш. Развитие способов выражения смыслового предиката в английском языке. «Вопросы германского языкознания», 1961, стр. 215. А. Н. Савченко. *Части речи и категории мышления.* Ростов 1959, стр. 59. Г. В. Колшанский. *Логика и структура языка.* М. 1965, стр. 122 и др. А. Хакулинен. Развитие и структура финского языка, часть II. М. 1955, стр. 167 и др.

F. Schmidt. *Logik der Syntax.* Berlin 1962, S. 70 u. a. B. Ilyish. *The Structure of Modern English.* M. 1965, p. 197. H. Paul. *Prinzipien der Sprachgeschichte.* Halle 1886, S. 100 u. a. H. Sweet, *op. cit.*, p. 81. A. N. Gardiner. *The Theory of Speech and Language.* Oxford 1932, p. 272, 273. B. Sandman. *Subject and Predicate. A Contribution to the Theory of Syntax.* Edinburgh, p. 237.

⁵ М. С. Шапиро. Пассивная конструкция в современном английском языке. Канд. дисс., II глава Л. 1947. М. С. Шапиро. Переходность глаголов и категория страдательного залога в современном английском языке. «Иностранные языки в школе» № 1, 1956, стр. 19.

Развитие пассивных конструкций в эстонском языке и в западно-финских языках протекало по совершенно иному пути. Причиной этому является богатая морфологическая система эстонского языка, большое число безличных конструкций, возможность образования пассивных конструкций из непереходных глаголов с исключением глаголов возвратного характера, парциальность подлежащего и дополнения, система склонения и в связи с этим более ограниченное число переходных глаголов, управление глаголов и т. д.⁶ Это послужило предпосылкой развития пассивных конструкций в эстонском и западно-финских языках в направлении безличности. Залоги в эстонском языке также противопоставляются в плане личности и безличности, а не активности и пассивности как в английском языке.

В современном эстонском языке различают личный залог — и неопределенно-личный залог — *umbisikuline tegumood*.⁷ Форма английского пассива развивалась на основе

⁶ Л. Хакулинен. Развитие и структура финского языка, часть I, II. М. 1953 и 1955. Д. В. Бубрих. Историческая морфология финского языка. 1955.

E. N. Setälä. Suomen passivista. «Virittäjä», 1915, s. 130. L. Kettunen. Passiivin tunnuksesta. «Virittäjä», 1915, s. 607. V. Hallap. Passiivsed konstruksioonid soome-ugri keeltes. TRÜ kursusetöö. Tartu 1950/51. E. Ahrens. Grammatik der Estnischen Sprache. Reval 1853. F. J. Wiedemann. Grammatik der Estnischen Sprache. St. Petersburg 1875. L. Kettunen. Lauselikmed eesti keeles. Tartu 1924. J. Aavik. Eesti õigekeelsuse õpik ja grammatika. 1936. E. Muuk, K. Mihkla ja M. Tedre. Eesti keskkooli grammatika. Lauseõpetus. Tartu 1939. N. Remmel, J. Valgma, E. Riikoja. Eesti keele grammatika. Tallinn 1931 jt. kooli grammatikad. K. Kont. Käändsõnaline objekt läänemeresoome keeltes. Tallinn 1963. K. Kont. Teadusliku süntaksi metodoloogias. Objektist passiivi liitkonstruksioonides. «Keel ja Kirjandus» nr. 10, 1959. H. Rajandi. Arutlusi eesti impersonaali üle. «Keel ja Kirjandus» nr. 9, 1966. E. Kindlam. Verbide derivatsiooni õigekeelsusest. «Keel ja Kirjandus» nr. 10, 1959. J. Pöeg. Ääremärkusi pöörete kasutamisest. «Keel ja Kirjandus» nr. 8, 1958.

⁷ В связи со своеобразным характером эстонской пассивной конструкции возникает и трудность в наименовании этой грамматической категории. Наряду с общеупотребительным термином — *umbisikuline tegumood* предлагаются термины:

impersonaalne passiv (F. J. Wiedeman, op. cit., S. 474); *passiiv-impersonaal* A. Aavik, op. cit., lk. 410); *impersonaal* H. Rajandi, op. cit., lk. 538); *passiiv* (K. Kont, Käändsõnaline objekt..., lk. 153 jt.

В финском языке употребляется термин пассив с уточнениями: *одноличный пассив* (Л. Хакулинен, цит. соч., стр. 237), *неопределенно-личный пассив* (Д. В. Бубрих, цит. соч., стр. 65). В труде А. Х. Каска «Эстонский язык. Языки народов СССР том III. Финно-угорские и самодийские языки». Москва 1966, применяются термины *имперсонал* и *неопределенно-личная форма*. В настоящей работе применяется термин *имперсонал*.

именного сказуемого в среднеанглийский период.⁸ В эстонском же языке презенс и имперфект имперсонала образуются флективно и связаны с дополнением, а не подлежащим. Сложными формами являются только перфект и плюсквамперфект, которые, по всей вероятности, происходят от более древней формы, от сказуемого с предикативом, в некоторых же формах вопрос о личности и неличности в настоящее время является еще спорным⁹. Пассив в английском языке употребляется в личной форме в дву- и трехчленных конструкциях. В настоящей статье рассматривается выражение двучленного пассива в эстонском языке. Подавляющее число пассивных конструкций в английском языке являются двучленными пассивом. По статистическим данным многих исследователей частность двучленного пассива составляет 70—80% всех случаев использования пассива.¹⁰

По подсчетам автора данной статьи на материалах научно-технической литературы двучленный пассив составляет 74% всех пассивных конструкций.

А. Л. Пумпянский утверждает по данным нескольких исследователей, что пассив употребляется в научно-технической литературе приблизительно в 5—6 раз чаще, чем в художественной литературе.¹¹ Данные автора настоящей статьи подтверждают, что в научно-технической литературе пассив употребляется во много раз чаще, чем в художественной литературе. Однако, чтобы дать определенную цифру, пришлось бы исследовать большее число произведений различного стиля, чем это было возможно в данной работе.

Эквивалентом английского двучленного пассива, как уже выше отмечено, является имперсонал (*umbisikuline tegu-mood*) в эстонском языке. Но кроме имперсонала для выра-

---

⁸ В. Н. Ярцева, Историческая морфология..., стр. 157 и др.; В. Н. Ярцева, Исторический синтаксис..., стр. 111, 159 и др.

⁹ А. Хакулинен, цит. соч., II, стр. 237.

F. J. Wiedemann, *op. cit.*, lk. 474, 584 jt; E. Ahrens, *op. cit.*, *Satzlehre II* Theil, S. 11 u. a.

L. Kettunen, *Lauseliikmed* ..., lk. 47, 26 jt.; K. Kont, *Käändsõnaline objekt*..., lk. 153 jt. K. Kont, *Teadusliku süntaksi*..., lk. 609 jt.; H. Rajandi, *op. cit.*, Nr. 9, lk. 538 jt.

¹⁰ Л. П. Винокурова. Грамматика английского языка. Л. 1954, стр. 122, Л. С. Бархударов и др., цит. соч., стр. 144.

¹¹ А. Л. Пумпянский, цит. соч., стр. 15.

жения двучленного пассива еще употребляются непереходные глаголы, а также переходные глаголы в персональной конструкции, безлично используемые глаголы с *da-* инфинитивом, безличные конструкции и различные другие грамматические и лексические средства.

Употребление имперсонала или персональной конструкции в переводе зависит от характера неназванного деятеля-агенса и от различия в переходности английского и эстонского глаголов. Личный, хотя и не названный, агент в двучленной пассивной конструкции предполагает имперсонал в переводе. В таких случаях в эстонском языке применяется имперсонал, также с непереходными глаголами, если переходному глаголу в английском языке соответствует непереходный глагол, так как пассиву в западнофинских языках характерна одноличность, которая предполагает в качестве деятеля неопределенное лицо.¹² В случае неличного агенса — часто отвлеченного понятия — в переводе применяются непереходные глаголы и персональная конструкция предложения.

В данной статье в основу взята классификация пассива по ее функциям. В трактовке исходят из прямой переходности глагола, так как употребление ее дает наибольшее число пассивных конструкций. Кроме них исследуются переводы пассивных конструкций с косвенной переходностью и переходностью с предлогом.¹³ Однако вышеназванные конструкции встречались в исследованном материале относительно редко.

I. Перевод пассива, обусловленный коммуникативной функцией, на эстонский язык

1. При тождественном порядке слов

Одной из основных функций английского пассива является выражение коммуникативного содержания предложения. Признанию коммуникативной функции страдательного залога долго препятствовала теория обратимости, считавшая

---

¹² Л. Хакулинен, цит. соч., II, стр. 237 и др.

¹³ В зарубежной лингвистике утверждается, что в английском языке наблюдается различный пассив, связанный с прямым, косвенным и предложным дополнением. Мы придерживаемся точки зрения советских англистов, которые считают, что приходится иметь дело не с различным пассивом, а с применением различной переходности глагола.

актив и пассив тождественными по значению и вполне взаимозаменяемыми.¹⁴

Структуральная лингвистика и трансформационная теория признают возможность трансформации актива в пассив и наоборот. Но трансформационная теория, которая необходима в машинном переводе, не означает возвращения к теории обратимости. Трансформационный анализ является средством, звеном в цепи трансформаций, чтобы перейти от упрощающего перевода к адекватному переводу.¹⁵

Связь залогов с выражением логической структуры предложения стала очевидной. Логическое членение предложения давно уже привлекало внимание языковедов, но единой точки зрения нет и еще в настоящее время. Одни, сторонники пражской школы, относят члены так называемого актуального членения к синтаксису,¹⁶ другие к логическому членению.¹⁷

Единым, однако, является взгляд, что в предложении, кроме синтаксического членения (подлежащее, сказуемое и др.) выступают еще два члена, из которых один отмечает, о чем говорится и второй, что об этом сообщается. В последнем сходятся мнения всех исследователей и этого взгляда придерживается также автор данной статьи.

Разнообразным является также название этих членов — по меткому определению Б. А. Ильиша «Сущность явления, которое получало такие различные обозначения, оставалась

¹⁴ Теории обратимости и в настоящее время еще придерживаются некоторые, главным образом, зарубежные языковеды, напр. (G. Curme, op. cit.; E. Kruisinga, op. cit.) и др., в первой очереди школьные грамматики. Но различие в значении актива и пассива стала замечать уже психологическая школа (H. Paul, op. cit.). Встречаются также новые наблюдения, напр. О. Есперсен в труде (A Modern English Grammar on Historical Principles) придерживается к теории обратимости, а в труде (Философия грамматики) видит выражение коммуникативной функции в пассиве. Х. Поутсма также отрицает фактическое тождество актива и пассива. От теории обратимости в настоящее время отказались многие советские и зарубежные языковеды, напр. М. Гухман, В. Н. Жигадло, А. С. Бархударов и др.

¹⁵ N. Chomsky, op. cit., p. 77 a.o. Ch. C. Fries. The Structure of English. New York 1952, p. 173 a.o. Ch. F. Hockett. A Course in Modern Linguistics. New York 1958, p. 204 a.o. A. A. Hill. Introduction to Linguistic Structures. New York 1958, p. 215 a.o. P. Roberts, op. cit., p. 60 a.o. F. Schmidt, op. cit., S. 70 u.a.

М. М. Ревзин, В. Ю. Розенцвейг, цит. соч., стр. 162 и др.; В. Ю. Розенцвейг, цит. соч., стр. 26 и др.

¹⁶ К. Т. Крушельницкая, К вопросу..., стр. 55 и др.

¹⁷ М. М. Гухман, цит. соч., стр. 125 и др.; В. З. Панфилов цит. соч., стр. 82 и др.; К. В. Колшанский, цит. соч., стр. 164 и др.

при этом одна и та же». ¹⁸ В данной статье применяются термины «данное» и «новое» как самые удобные.

Для выражения логического членения применяется интонация, порядок слов и другие грамматические и лексические средства, как напр., артикли, усилительные частицы, морфемы в некоторых языках и залогии. Важнейшим средством логического членения предложения является порядок слов, который широко применяется в синтетических языках с богатой морфологической системой. В аналитических языках, как в новоанглийском языке, употребление порядка слов очень ограничено и эта функция перешла к пассиву. ¹⁹

Актив применяется, когда агенс (деятель) выполняет коммуникативную нагрузку данного и пациенс (объект действия) выражает то, что о нем сообщается (пример 1). Если же нагрузку данного несет пациенс, то пассив дает возможность при нейтральном стиле речи ставить пациенс в форме подлежащего в начало предложения перед сказуемым (и агенсом в трехчленном пассиве), которое выполняет функцию нового (пример 2). ²⁰

1. Rumford performed this experiment.

2. This experiment was performed by Rumford...
(E Ph 45)

Адекватность перевода требует точной передачи коммуникативного содержания подлинника в языке перевода.

Исследование показывает, что в переводе английского двучленного пассива применяется в первую очередь имперсонал эстонского языка. Связанный с имперсоналом член предложения считается дополнением. Дополнение имперсонала по своей специфике является объектом действия — пациенсом. Его обычная начальная позиция соответствует по своей коммуникативной нагрузке английскому двучленному пассиву, в котором пациенсу дана форма подлежащего и исходная позиция в предложении, которая присуща нейтральному стилю речи. Новая информация дается сказуемым в пассивном оформлении и другими членами предложения.

В эстонском языке сказуемое выступает в форме имперсонала. При употреблении переходных глаголов мы видим

¹⁸ Б. А. Ильиш, Развитие..., стр. 194.

¹⁹ Б. А. Ильиш, Развитие..., стр. 196 и др.

²⁰ Б. А. Ильиш, Развитие..., стр. 194; О. И. Москальская, цит. соч., стр. 324 и др.; К. Г. Крушельницкая, Смысловая функция... стр. 33 и др.; Г. Бернер, Употребление страдательного залога в современном немецком языке. Канд. дисс. М. 1963, стр. 22 и др.

такую же направленность действия на дополнение — пациенс, как в английском языке на подлежащее — пациенс.

В имперсонале с непереходными глаголами мы наблюдаем направленность действия на обстоятельственное дополнение — пациенс.

Употребление имперсонала в переводе двучленного английского пассива (по данным научно-технической прозы) составляет 42,6%.

Имперсонал обеспечивает в переводе тождественную функциональность, грамматическую конструкцию и порядок слов, хотя выражение их имеет место различными грамматическими средствами. В английском языке пациенс выражается подлежащим, а в эстонском языке дополнением или обстоятельственным дополнением.

1. The **discovery** of penicillin is often **used** to prove that important discoveries come by chance. (SH 644) — Penitsilliini **avastamist on sageli kasutatud** tõestamiseks, et tähtsad avastused tehakse juhuslikult. (TÜA 472).

2. In the spring of 1947 Dr. Mc Cullock and Mr. Pitts did a piece of work...

Dr. Mc Cullock had been given the problem... (C 31) — Doktor Mc Cullockile oli antud ülesanne... (K 37).

3. Nevertheless Marconi... tried to send wireless signals across the Atlantic and **they were** actually **received**. (SH 543) — Marconi... püüdis sellest hoolimata saata traadita signaale üle Atlandi ja **neid võeti** seal tõepoolest **vastu**. (TÜA 401).

В настоящих примерах пациенс пассивных конструкций в английском языке является данным (пример 1), контекстуально связанным^{20а} повторением понятия предыдущего контекста (пример 2) и местоимением (пример 3), которое уже по своей специфике является данным, повторением чего-то предыдущего. Исследование показывает, что данное в большинстве случаев связано с предыдущим контекстом.

На связывающую роль первого слова в предложении указывает Г. В. Строева, причем это слово не должно являться лишь буквальным повторением слова в предыдущем контексте, но связано с ним по содержанию.²¹

^{20а} В данной работе имеется в виду только связь с предшествующим контекстом.

²¹ Г. В. Строева. О прямом и обратном порядке слов в современном немецком языке. Сб. Памяти акад. Л. Щербы. Л. 1951, стр. 259 и др.

В переводе на эстонский язык коммуникативная функция данных пассивных конструкций выражается имперсоналом, где пациент в форме дополнения (примеры 1, 3) и в форме обстоятельственного дополнения (пример 2) соответствует подлежащему в пассиве и действие переходного глагола неличного пассива направлено соответственно на дополнение или на обстоятельственное дополнение.

В случае семантически подчеркнутого пациента английского пассива перевод семантически подчеркнутым дополнением в исходном положении адекватно передает коммуникативную нагрузку английского пассива.

1. Such a **quantity** possessing both magnitude and direction **is called** a vector. (E Ph 15) — Suurust, millel on nii arvu-line väärtus kui ka suund, **nimetatakse** vektoriks. (F E 15).

2. All the great **successes** in precise science **have been made** in fields ... (C 189) — Kõik suured **saavutused** täppis-teaduses **on tehtud** neil aladel ... (K 200).

В данных примерах пациент, подчеркнутый указательным местоимением, определением, причастным оборотом, адекватно переводится подчеркнутым дополнением.

Связь с предыдущим контекстом выражают относительные местоимения и являются также данными как по своей исходной позиции, так и по своей специфике, заменяя понятие, выраженное предыдущим контекстом. В переводе на эстонский язык подходит имперсонал, где относительное местоимение — пациент соответствует подлежащему пассива. Подходящей в переводе является также персональная структура предложения с относительным местоимением в исходной позиции.

1. Leibniz compares them to clocks, **which have so been wound up** ... (C 52) — Leibniz võrdleb neid kelladega, **mis on üles keeratud** ... (K 59).

2. We did so with results **which will be discussed in the body** of this book. (C 13) — Me tegime nii, saades tulemused, **mida me käsitleme** käesoleva raamatu sisus. (K 17).

В данных примерах относительному местоимению, которое является пациентом, подлежащим пассива, соответствует в переводе относительное местоимение. Синтаксически последнее является дополнением как имперсонала (пример 1), так и персонала (пример 2), а по коммуникативному значению данным пациентом.

2. Перевод с различным порядком слов

В переводе двучленного пассива в предложениях, начинающихся обстоятельством и т. д., нет возможности придерживаться тождественного порядка слов, что обусловлено структурными правилами инверсии.

1. **Thus a new group of substances was discovered...** (SH 625) — **Nõnda avastati uus rühm aineid...** (TUA 459)

2. **In all these cases some quantity of heat is created.** (E Ph 44) — **Kõigis niisugustes katsetes tekib teatud hulk soojust.** (F E 35)

II. Перевод двучленного пассива, обусловленного неназванным агенсом

Второй существенной функцией двучленного пассива является его употребление, когда агенс из-за его неизвестности, неопределенности или очевидности отсутствует. Считают еще, что названные причины не так существенны при выборе двучленного пассива, как обобщенный и коллективный характер неназванного деятеля.²² Значение обобщенно-личного и коллективного деятеля часто является причиной употребления двучленного пассива в научной литературе, где обычно исходят из явлений, процессов, предметов исследования, изобретений, т. е. из объекта действия — пациенса, причем агенс остается в тени. Для выражения этой функции подходит имперсонал в эстонском языке, где исходным моментом является объект действия — пациенс, причем агенс не отмечается, но предполагается как неопределенное лицо.

1. Перевод пассива с личным коллективным агенсом имперсоналом

1. **Energy was regarded as weightless...** (E Ph 209) — **Energiat käsitleti niikaua kaalutuna...** (F E 147)

2. It was a hurried job, employing probably far more scientific workers than were strictly necessary, but **it was done.** (SH 644) — See oli kiirendatud töö, mille tegemiseks rakendati arvatavasti kaugelt rohkem teaduslikke töötajaid kui otseselt vaja, kuid see **töö sooritati.** (TUA 471)

²² Г. Бернер. Об употреблении двучленного пассива в современном немецком языке.

Tõid saksa filoloogia alalt. Tartu Riikliku Ülikooli Toimetised, vihk 131. Tartu 1963, lk. 20.

3. **Carbon dioxide is taken from the air, reduced to carbon...** (SH 623) — **Õhust võetakse süsinikdioksiid, see taandatakse süsinikuks...** (TUA 457)

В данных примерах обобщенно-личный и часто коллективный агент — ученый или ученые — не назван. Обычно значение агента выявляется из контекста. Иногда же оно отмечается в самом предложении (пример 2), где агент имеет обобщенно-коллективное значение.

В примере 3 агент неличный, но выступает в персонифицированной форме. (Растения в фотосинтезе берут...). Данными примерами подтверждается, что эта функция двучленного пассива выражается в эстонском языке имперсоналом.

2. Перевод пассива с известным личным агентом

Двучленному пассиву с известным личным, но неназванным агентом соответствует в эстонском языке имперсонал, которому характерно предположение неопределенного личного, в данном случае известного, агента.

1. **In silence the soup was finished** — excellent if a little thick; and **2 fish was brought**. In silence **3 it was handed**. — **Vaikides söödi supp**, — see oli ülihea, kuigi natuke paks. **Toodi kala**. **Vaikides serveeriti sedagi**. **4 The fish was taken away...** **5 And Bilson brought champagne, a bottle swathed around the neck with white**. — **Kala viidi ära...** Bilson tõi vahuviina: **pudeli kaela ümber oli valge rätik**. **7 Cutlets were handed, 8 each pinkfrilled about the legs**. **9 They were refused by June, and silence fell**. — **Ulatati kotlette, iga kotleti kondi ümber oli roosa paberrüüš**. **June ei võtnud: jälle vaikiti**.

But June again refused, **10 so they were borne away**. — **Kuid June keeldus jälle; kotletid viidi ära**. «Salad, sir?» **11 Spring chicken was removed**. «Salatit, sir?» — **Noored kanapojad kanti minema**. **12 Sugar was handed her...** — **Talle ulatati suhkrut...** **13 The charlotte was removed...** — **Šarlott viidi ära**. **12 Olives from France, with Russian caviare, were placed on little plates**. — **Pakuti prantsuse oliive vene kalamarjaga väikesil taldrikuil**. **15 The olives were removed...** **16 Give me some water. Water was given her**. **17 A silver tray was brought with German plums**. **15 Oliivid viidi ära...** **16 Talle anti vett**. **17 Siis toodi hõbekandmik saksa ploomidega**. **18 Egyptian cigarettes were handed in a silver box** **Pakuti egiptuse sigarette hõbetoosis**. **19 Brandy was handed; it was pale and old**. — **Pakuti konjakit; see oli kahvatu-kollane, vana**. **20 Her cloak was brought**. — **Ta mantel toodi**. (MP 157 — 159 — VM 161 — 163)

В приведенном примере из романа Джона Голсуорси «Собственник» автор желает описать напряжение в настроении обедающих, особенно настроение Джун, и их натянутую, отрывистую беседу. Чтобы подчеркнуть их принужденное безмолвие, их напряженную пассивность в ситуации, автор описывает подачу блюд, применяя двучленный пассив, чтобы выразить исходным пунктом объект действия и действие, а не агенс, хотя он известен (слуга и обедающие). По стилистическим причинам автор варьирует пассив с активом, изображая напряженное настроение грамматическими средствами. В эстонском языке двучленный пассив переводится имперсоналом, но при этом осуществляется переход на персональную структуру, как только отмечен агенс (пункт 5, 8, 9), причем персональная структура (пункт 9) предполагает другую коммуникативную нагрузку, чего адекватность перевода не допускает; однако подобный перевод использован автором в художественном тексте по стилистическим причинам. В общем коммуникативная нагрузка двучленного пассива за исключением некоторых случаев адекватно передана в переводе.^{22a}

На неизвестность пациенса в английском языке часто указывает отсутствие определенного артикля перед существительным, например: *fish was brought*. В эстонском языке такому предложению соответствует имперсонал с инверсией, т. е. постановкой пациенса — цели сообщения в конец предложения, напр.: *toodi kala*. Английский двучленный пассив, где пациенс — данное (часто с определенным артиклем), напр.: *the fish was taken away*, часто переводится имперсоналом с пациенсом в исходном положении, напр.: *kala viidi ära* (пункты 4, 10, 11, 13, 15, 20). В переводах (пункты 12, 16) коммуникативная функция подлинника неправильно передана. *Sugar — suhkrut* (пункт 12) и *water — vett* (пункт 16) упомянуты в предыдущем предложении и являются контекстуально связанными данными понятиями, которым должна была бы соответствовать исходная позиция. Переводчик, очевидно, исходил из правила, что в имперсонале обстоятельство дополнение обычно предшествует дополнению,²³ однако существует также правило, что подлежащее или дополнение ставят в начале предложения, если они выражают данное.²⁴ С другой сторо-

^{22a} Причастия (пункты 5, 8) не подлежат рассмотрению в настоящей статье, но они не исключены из-за характерности к отрывку.

²³ N. R e m m e l, *op. cit.*, lk. 240.

²⁴ *Ibid.*, lk. 228.

ны, в кратких предложениях выражение коммуникации не столько зависит от порядка слов.

Ниже приводятся еще некоторые варианты пассива с неназванным личным агенсом:

1. Tired as we were, **two were sent** out for firewood; **two more were set** to dig a grave for Redruth; **the doctor was named** cook; **I was put** sentry at the door; and the captain himself went from one to another... (TI 118) — Kuigi olime väsinud, **saadeti kaks meest** kütet muretsema, **teised kaks pandi** Redruthile hauda kaevama, **arst määrati** kokaks, **mind seati** välvepostiks uksele ja kapten ise käis ühe juurest teise juurde... (AS 131)

2. We did so, with results **which will be discussed** in the body of this book. (C 13) — Me tegime nii, saades tulemused, **mida me käsitleme** käesoleva raamatu sisus. (K 17)

3. This **chapter is devoted** to one vast sector of modern science... (SH 511) — Käesolev **peatükk on pühendatud** kaas- aegse teaduse ühele ulatuslikumale osale... (TÜA 379)

Обычно известность агенса выявляется из контекста. Иногда же он отмечен в предложении (пример 1). Во втором примере в переводе применяется агенс, который выявляется из контекста, но краткое безударное местоимение *me* не вредит адекватности перевода.

Чтобы избегать личного местоимения первого лица, в научном стиле используются двучленный пассив и имперсонал в эстонском языке (пример 3).

Двучленный пассив английского языка, в котором с предложной конструкцией выражается орудие действия; также переводится имперсоналом, потому что агенсом в этом случае предполагается неопределенное лицо:

1. An absolute **solution... is being sought** by X-ray analysis. (SH 630) — Absoluutset **selgust... püütakse saavutada** röntgenianalüüsi teel. (TÜA 462)

3. Перевод пассива, образованного при помощи глаголов косвенно переходных и переходных с предлогом посредством имперсонала

Двучленный пассив английского языка, подлежащее которого соответствует косвенному или предложному дополнению параллельной активной конструкции, переводится имперсоналом, так как ограниченное число глаголов косвенно переходных и переходных с предлогом обычно предполагают личный агенс, хотя часто не названный. Если

косвенно переходному глаголу или глаголу переходному с предлогом соответствует непереходный глагол в эстонском языке, то в переводе все же употребляется имперсонал, потому что эстонский язык допускает употребление имперсонала также с непереходными глаголами. По своему коммуникативному значению перевод имперсоналом соответствует двучленному пассиву, потому что в имперсонале дополнение и обстоятельственное дополнение находятся относительно сказуемого в таком же положении, как подлежащее в персональной конструкции, т. е. начальное положение дополнения или обстоятельственного дополнения вполне законно²⁵ и согласуется с порядком слов английского предложения в отношении коммуникативного значения. Употребление глаголов косвенно переходных и переходных с предлогом, однако, ограничивается небольшим числом глаголов, и поэтому подобные примеры в исследуемом материале встречались реже, чем пассив с прямой переходностью глагола:

1. ... **the watchman had been given his portion.** (L Fl 226)
— ... **valvurile anti tema osa** (KJ 163)

2. ... **others followed, were accepted, or not so quickly fled from ...** (A Tr 26) — ... **ent sellele rünnakule järgnesid teised, mida salliti, või mille eest ei põgenetud küllalt kiiresti...** (AT 23)

3. **The room looked as if it had not been lived in for years.** (PDG 189) — **Tuba oli seda moodi, nagu poleks siin aastate kaupa elatud.** (DGP 196)

В первом примере в двучленном пассиве применяется косвенно переходный глагол и в переводе имперсонал с переходным глаголом, который соответствует переходному глаголу в английском языке. В остальных двух примерах глагол + предлог образует новое лексико-семантическое единство и придает глаголу переходность²⁶, которая в примере 3 направлена на именную часть обстоятельства. В эстонском имперсонале это выражается непереходным глаголом и обстоятельством.

²⁵ N. Remmel, op. cit., lk. 238.

²⁶ В. Н. Жигадло и др., цит. соч., стр. 88;

G Curme, op. cit., II, p. 93—103. F. Schmidt, op. cit., S. 71 u. a.

4. Перевод пассива с неопределенным неличным агенсом посредством персональной конструкции и непереходного глагола

Перевод двучленного английского пассива не ограничивается имперсоналом в эстонском языке. Большой частью двучленному пассиву соответствует в переводе персональная конструкция с непереходным глаголом, составляя 35% из всех применяемых в переводе языковых средств, колеблясь в зависимости от характера текста и стиля переводчика. Перевод с непереходным глаголом наблюдается в случаях, когда агенс неопределенный, неличный, отвлеченное понятие, а также предмет, явление, процесс, состояние. В этом случае связь с агенсом слабее, действие происходит как бы само собой, приближаясь к возвратности, медиальности, непереходности. Непереходный глагол здесь уместен, так как действие ограничивается сферой подлежащего.

В английском языке, как известно, за счет приращения переходных глаголов²⁷ резко уменьшилось число непереходных глаголов, и их функция выполняется двучленным пассивом. Этот тип пассива встречается главным образом в научных и общественно-политических текстах, где описываются процессы, происходящие в природе, обществе и т. д. Там исходят из явления, процесса, предмета, сообщается об их происхождении, изменении и т. д., причем агенс и не предполагается.

В переводе описанного двучленного пассива применяется персональная конструкция и непереходные глаголы, если английскому переходному глаголу соответствует непереходный в эстонском языке.

Непереходные глаголы в эстонском языке, соответствующие пассиву с этой функцией, во многих случаях принадлежат к глаголам, которые употребляются только или в основном в третьем лице, выражают непереходность, не подчиняются воле говорящего, не предполагают действия какого-либо лица и которые не используются в имперсонале²⁸. В основном пассиву с этой функцией соответствует непереходный глагол в эстонском языке и значительно реже переходный. Однако и в последнем случае в переводе применяется персональная конструкция, хотя иногда возможен и имперсонал.

Перевод с персональной конструкцией и непереходным или переходным глаголом функционально соответствует пас-

²⁷ В. Н. Жигadlo и др., цит. соч., стр. 127. В. Н. Ярцева, Исторический синтаксис..., стр. 176 и др.

²⁸ J. Peegel, op. cit., lk. 488.

сиву этого типа, потому что из данного исходят как в английском, так и в эстонском языке. Меняются пациенс и агенс. В цели адекватности перевода не существенно, является подлежащее пациенсом или агенсом, но существенно, является ли оно данным в исходном положении. В английском пассиве пациенс — данное имеет начальную позицию в форме подлежащего, а в эстонском языке это же место занимает агенс — подлежащее со значением данного.

Перевод с непереходным глаголом применяется часто также при личном, но неопределенном агенсе.

1. In all these cases some **quantity** of heat **is created**... (E Ph 44) — Kõigis niisugustes katsetes **tekib** teatud **hulk** soojust... (F E 35)

2. This **theory is based** on the assumption... (C 185) — See **teooria põhineb** eeldusel... (K 195)

3. The old names latent heat of melting or vaporiation show that these **concepts are drawn** from the picture of heat as a substance. (E Ph 43) — Vananenud nimetused varjatud sulamisvõi auramisoojus näitavad, et need **mõisted tekkisid** siis, kui soojust mõisteti nagu substantsi. (FE 34)

4. Little **things made** of silver **were deposited** like eggs. (MP 104) — Väikesi **hõbeasjakesi lebas** igal pool nagu mune. (VM 96)

5. The door **was opened**... (TL 119) — Uks **avanes**... (VU 132)

Во всех приведенных примерах двучленный пассив переведен персональной конструкцией и непереходным глаголом. Агенс является отвлеченным понятием: природная закономерность (пример 1), развитие науки (пример 2) и познавательный процесс (пример 3). В примере 4 действие представляется происходящим как бы само собой, а в примере 5 деятелем чувствуется неопределенное лицо.

В переводе пассива с описанной функцией широко применяются глаголы возвратного характера с суффиксом -u-, обозначающие переход из одного состояния в другое, и глаголы с суффиксом -n e-, выражающие постепенный переход действия. Суффикс -u- считается наиболее продуктивным в образовании непереходных глаголов.²⁹

1. The two **fluids** in the conductor being free to move **are separated, one attracted** and the **other repelled** (E Ph 76) — Kuna elektrivedelikud võivad metallis vabalt liikuda, siis **nad**

²⁹ E. Kindlam, op. cit., lk. 630.

eralduvad, üks neist tõukub kautšukikepikesest eemale, teine aga tõmbub tema juurde. (FE 56)

2. When a **Forsyte was engaged** (1), **married** (2) or **born** (3), the Forsytes were present. (MP 42) — Kui mõni **Forsyte kihlus, naitus või sündis**, siis olid teised Forsyte'd seal juures. (VM 20)

3. Einstein's **theories** for all their abstractness... were nevertheless **derived** ultimately from experiments. (SH 525) — Einsteini **teooriad**, hoolimata oma abstraktsusest... **tulenesid** lõppkokkuvõttes siiski eksperimentidest... (TÜ 309)

4. We were **swept** out of our true course. (TI 105) — Meie **kandusime** eemale oma õigest kursist. (AS 118)

5. He was **closeted** for an hour with Miss Page. (Cit. 41) — Ta **lukustus** siis tunniks Miss Page'iga. (Tsit. 41)

6. ... the stark **colours** of the morning were **smoothed**... (L F 72) — ...hommikused tugevad **värvid mahenesid**... (K J 51)

Глаголы с суффиксами -и- и -п-е- также применяются в переводе для выражения отвлеченного неличного агенса: природный процесс (пример 1), общественное явление (пример 2, пункты 1, 2), познавательный процесс (пример 3), движение, не вызываемое лицом (пример 4, поток воды). В примере 5 агенс личный, но действие возвратное. Возвратность вообще присуща этим непереходным глаголам. В примере 6, 3 суффиксом -п-е- непереходного глагола выражается постепенный переход действия.

Перевод непереходным глаголом функционально соответствует подлиннику. Пациент английского пассива как данное в форме подлежащего соответствует агенсу эстонской персональной конструкции, выступающему так же как данное в форме подлежащего.

5. Перевод пассива персональной структурой предложения и лексически различным, но функционально соответствующим глаголом или глагольным сочетанием

Часто пассив, слабо связанный с агенсом, переводится персональной конструкцией с лексически отличным, но функционально соответствующим ему непереходным или переходным глаголом, даже в случае, если переходный глагол допускает применение имперсонала.

1. A **spring had been tapped**. (LF 108) — Allikas oli valla **pääsenud**. (KJ 76)

2. ... when her **arms were flung** round his neck. (PDG 97) — ...kui tüdruku **käed talle kaela langesid**. (DGP 104)

3. **They have, however, been given** enormously greater precision and extent. (SH 557) — Need **printsiihid on ainult omandanud** võrreldamatult suurema ulatuse. (TÜ A 410)

4. ... **lips were pressed** on lips. (MaE 191) — ... **huuled puudutasid** huuli. (ME 109)

5. In the Chinese room **Soames** indeed **was discovered**... (MP 249) — Hiina toas **oli** tõepoolest **Soames**... (VM 425)

5a. Hiina toast **leiti** tõepoolest **Soames**...

Во всех приведенных примерах применяются лексически различные, но функционально соответствующие подлиннику непереходные (примеры 1, 2, 3) и переходные глаголы (примеры 3, 4), допускающие употребление агенса вместо пациента без изменения значения: *have been given* — *on omandanud*, *were pressed* — *puudutasid* и др. Здесь предпочитается персональная конструкция, хотя часто возможен и перевод имперсоналом (пример 5a). В отношении коммуникативной нагрузки перевод персональной конструкцией соответствует подлиннику, так как пациенту — данному пассива соответствует агент — данное в эстонском языке. Некоторое отклонение в порядке слов в переводе обусловлено структурной инверсией, вызванной обстоятельством в начале предложения (пример 5).

6. Выражение известного агенса окончанием первого лица глагола

Агент, умолчание о котором желательно (автор и его читатели в научно-описательном стиле), часто выражается в эстонском языке окончанием первого лица множественного числа глагола, напр.:

1. **Others, more profound and important, will be discussed** later (EPh 77) — **Teisi, veelgi sügavamaid ja olulisemaid näiteid, käsitleme** hiljem. (F E 57)

2. A small stone, **which can be regarded**... (E Ph 212) — Väike kivi, **mida võime käsitleda**... (F S 150)

3. If definite **masses** of water and alcohol **are mixed** together. (E Ph 42) — Kui **segame** teatud **hulgad**... (F E 34)

Перевод с данной конструкцией в отношении коммуникативной нагрузки полностью соответствует двучленному пассиву в главных и определительных придаточных предложениях, где инверсия допускает регулировку порядка слов. В других придаточных предложениях имперсонал предоставляет лучшие возможности: *kui kepikeene eemaldatakse, kui me kepikeese eemaldame*, (FE 53), *kui eemaldame kepikeese*.

Однако лексически опустошенное местоимение не отдельно, а также в окончании 1 лица глагола не может служить данным, исходным пунктом высказывания, и потому перевод с этой конструкцией не противоречит в коммуникативном отношении английскому пассиву.

III. Перевод синтаксически обусловленного пассива

Двучленный пассив, обусловленный синтаксическим фактором, в котором сказуемое связано с подлежащим как субъектной, так и объектной связью, переводится соответственно структурным возможностям эстонского языка имперсоналом или персональной конструкцией и различными иными языковыми средствами.

1. **She was not asked to look at the pictures, and she never did.** (MP 95) — **Teda ei palutud pilte vaadata, ja ta ei teinud seda kunagi.** (VM 86)

2. **Her husband, who was kept informed of all her movements, attempted to force us apart... but anyway our names were publicly joined. That decided us, and we became united in fact. She was divorced, married me, and you were born.** (TL 237) — **Tema mees, kes teda valvata laskis, katsus meid sundida lahkuminekule... igatahes kandis ta meie nimed avalikkuse ette. See mõjus meisse otsustavalt ja meie ühinesime tõeliselt. Tema abielu lahutati, temast sai minu naine, ja sina sündisid.** (VU 275)

В первом примере пассив переведен имперсоналом. Во втором примере ряд пассивных конструкций, обусловленных синтаксическими факторами, переводятся персональной конструкцией, хотя в некоторых случаях подошел бы и имперсонал: **Tema mees, kellele tema sammudest teatati... igatahes meie nimed ühendati avalikult...** Переводчик, очевидно, исходя из стилистического фактора и желания подчеркнуть агенс, которым является определенное лицо, предпочел персональную конструкцию. Анализ показывает, что в переводе синтаксически обусловленного пассива предпочитается персональная конструкция, которая составляет примерно 50% всех случаев перевода.

IV. Перевод пассива, состоящего из глагола или модального глагола и пассива-инфинитива, глаголами в безличном употреблении с *da*-инфинитивом

Пассивная конструкция, состоящая из глагола или модального глагола и инфинитива страдательного залога, по данным автора этой статьи образует 29% из всех двучленных пассивных конструкций в английском языке. Этим конструкциям соответствуют в эстонском языке конструкции с безлично употребляемыми глаголами, которые с *da*-инфинитивом придают предложению пассивное осмысление.³⁰ Исключением являются некоторые немногочисленные глаголы, которые связываются с *ma*-инфинитивом, напр.: *pea b*, *hakka b* и др. Эти пассивно осмысленные неопределенно-личные конструкции широко используются в переводе пассива-инфинитива, обеспечивая адекватный перевод, так как дополнение как в форме партитива, так и номинатива в исходной позиции предложения имеет тождественное коммуникативное значение с подлежащим английского пассива. Чаще, однако, встречается форма партитива.

1. The whole **biosphere can be considered** as one evolving biochemical system. (SH 632) — **Biosfääri võib** tervikuna **vaa-delda** kui arenevat biokeemilist süsteemi. (TUA 463)

2. He **could not, must not, be placed** in any dubious position. (WM 52) — Ta ei **võinud** ega **tohtinud** mingisse kahtlasesse seisukorda **sattuda**. (VA 96)

3. No, the **thing had to be examined**, and at once. (PDG 123) Ei, **pilti pidi** kohe **uurima**. (DGP 131)

4. There still **remains one point to be cleared up**. (EPH 220) — Nüüd **jääb välja selgitada** veel üks asi. (FE 155)

В примерах (1, 2, 4) глагол связан с *da*-инфинитивом, а глагол *pidi* в примере (3) с *ma*-инфинитивом. Дополнение выступает в партитиве в примерах (1, 3, 4) и в номинативе в примере (2).

В виде исключения встречается употребление пассивной формы модального глагола с *da*-инфинитивом, но сравнительно редко и только у единичных переводчиков. Еще реже встречается в эстонском языке пассив-инфинитив (см. ниже-приведенные примеры 1, 2):

1. The **apparatus** corresponding to (3.913) **may** always be **constructed**... (C 102) — **Seadmed**, mis vastavad võrrandile (3.913), **võidakse** alati **ehitada**... (K 111)

³⁰ K. Kont, Käändsõnaline objekt..., lk. 168.

The time at the Institute is to be devoted... the intermediate years are to be devoted to more theoretical research... (C 31) — Aeg Kardioloogia Instituudi juures pidi pühendatama... vahepealsed aastad tuli pühendada rohkem teoreetilistele otsingutele. (K 37)

V. Перевод формально личной, но по содержанию безличной конструкции, — безличной конструкцией

Пассивным конструкциям английского языка, которые являются формально личными, но по содержанию безличными³¹, соответствуют в эстонском языке безличные конструкции.

1. Later it was found that artificial substances... had similar effects. (SH 625) — Hiljem leiti, et kunstlikel aineil... on samasugune toime. (TÜ A 460)

VI. Употребление различных других лексических и грамматических средств при переводе двучленного пассива

При переводе двучленного пассива, кроме уже упомянутых, применяются еще различные другие лексические и грамматические языковые средства, которые обычно дают возможность переключиться на персональную структуру предложения, что по всей вероятности является главной причиной их использования. Во многих случаях это обусловлено различием в лексических и грамматических средствах в английском и эстонском языках. Употребление различных других лексических и грамматических средств в переводе составляет 13%.

Особенно многочисленными являются в переводе случаи употребления глагола с противоположным значением: they were given — nad said, he had been chased — ta oli põgenenud. Это изменение семантики глагола дает возможность перейти к персональной конструкции, сохраняя тождественное коммуникативное содержание и конструкцию предложения:

1. This method for which K. L. M. Syngе and A. J. P. Martin were given the Nobel Prize... (SH 606) — See meetod, mille eest K. L. M. Syngе ja A. J. P. Martin said Nobeli auhinna... (TUA 445)

---

³¹ В. Н. Ярцева, Исторический синтаксис..., стр. 52 и др.,
T. Mustanoja, op. cit., p. 226, 433 jt.

2. ... **he had been chased** into the house. (PTh 267) — **Ta oli põgenenud** tagaajajate eest majja. (Kr 259)

3. ... and a warm **pressure was given and received**. (MaE 328) — ... ja nad **vahetasid** sooja **pigistuse**. (ME 298)

В примере 3 глагол *vahetasid* объединяет значение глаголов английского языка *was given* и *received*.

Переключению на персональную конструкцию в переводе способствует замена пассива словосочетанием, состоящим из глагола и существительного (пример 1), отыменным существительным (пример 2), или сочетанием из обстоятельства и глагола (пример 3), фразеологическим сочетанием, в частности, когда сказуемое страдательного залога является компонентом фразеологического сочетания и парафразой (примеры 4, 5).

1. **She was brought up** strictly. (TL 236) — **Ta oli karmi kasvatuse saanud**. (VÜ 273)

2. How the atom **bomb was developed, tried out, and used** is now part of world history ... (SH 537) — **Aatompommi arendamine, katsetamine ja kasutamine** on nüüd osa ... maailma ajaloost. (TUA 397)

3. The **car was parked** ... (ATr. 156) — **Auto viidi parkimisekohale** ... (AT 146)

4. We're **beaten**. (LFl 155) — **Oleme omadega läbi**. (KJ 111)

5. **Has the boy been told?** (TL 208) — **Kas too poiss teab tõtt?** (VÜ 240)

В переводе применяется еще конструкция *ole ma + m a s*, в частности, для выражения длительных форм. В этом нет потребности с точки зрения употребления глагольных времен. Но эта конструкция дает возможность переключиться на персональную конструкцию без нарушения требований адекватности и, возможно, поэтому применяется переводчиками (пример 1).

1. **Agriculture is rapidly being transformed** ... (SH 602) — **Põllumajandus ... on ümber kujunemas tööstuseks** ... (TÜ 443)

VII. Перевод двучленного пассива, образованного глаголами *be some, get* и др. + причастие II

В применении глаголов *be some, get* и др. для образования пассива зарубежные языковеды видят возникновение новых вспомогательных глаголов для образования пассива, дающих лучшую возможность отделять пассив от именного

сказуемого.³² Советская лингвистика относится к этому более сдержанно.³³

По данным настоящего исследования частотность этих глаголов для образования пассива еще мала (только несколько процентов), и еще не является такой грамматической формой, из которой можно бы делать выводы.

В переводе пассива, образованного при помощи этих глаголов, применяются различные уже описанные языковые средства, но так как примеры не многочисленны, то невозможно установить какую-либо закономерность. Приведем ниже несколько примеров.

1. The **book** that does not earn money for its publisher probably **does not get printed**, and certainly not **reprinted**. (С 188) — Raamat, mis ei teeni raha oma kirjastajale, tõenäoliselt ei lähe trükki, kindlasti aga ei lähe kordustrükki. (К 198)

2. Furthermore the permanent **memory becomes** more and more **involved**... (С 172) — Pealegi **haaratakse** üha suuremas sügavuses ka kestev **mälu**... (К 182)

Выводы

1. Категорией, наиболее соответствующей английскому двучленному пассиву по своей структуре, является имперсонал *umbisikuline tegumood* в эстонском языке. Однако большие расхождения наблюдаются между английским пассивом и эстонским имперсоналом в тенеалогическом, формально-грамматическом и содержательном аспекте.

2. Имперсонал дает возможность выражать коммуникативную функцию, тождественную английскому пассиву, с минимальным изменением структуры предложения. Члены логического членения имперсонала соответствуют членам логического членения пассива, хотя они выражаются синтаксически различными членами предложения согласно безличности имперсонала.

3. Грамматическое значение имперсонала соответствует грамматическому значению пассива и в том отношении, что оно, несмотря на безличность, предполагает деятелем неопределенное лицо. В этом смысле имперсонал является

³² G. Curme, op. cit. III, p. 447. G. Curme, op. cit. II, p. 67. E. Krusinga, op. cit., p. 124. R. W. Zandvoort, op. cit., p. 57.

³³ В. Н. Жигадло и др., цит. соч., стр. 137.

Г. Н. Воронцова, цит. соч., стр. 225 и др.

подходящим в переводе английского пассива и применяется в этой цели в объеме 42,6%. В остальных случаях используется персональная конструкция предложения.

4. Применение имперсонала или персональной конструкции зависит от характера агенса, о котором умалчивается, также как от различия в переходности глаголов в английском и эстонском языках. Залоги также противопоставляются в эстонском языке в плане личности и безличности, а не активности и пассивности.

5. Личный, хотя и неназванный агенс предполагает имперсонал в переводе. В этих случаях имперсонал применяется в переводе с переходными глаголами и непереходными, когда английскому переходному глаголу соответствует непереходный глагол в эстонском языке.

6. В переводе пассива с неличным, неназванным агенсом, часто отвлеченным понятием, применяются непереходные глаголы с персональной конструкцией, потому что действие здесь приближается более к непереходности, возвратности, медиальности. В эстонском языке развитие глагола происходило в направлении непереходности, в английском же языке — наоборот — развития переходности.

7. Перевод пассива персональной конструкцией и непереходным глаголом, в особенности глаголами возвратного характера с суффиксами -и- и -п е-, из которых многие не допускают имперсонала, функционально соответствует двучленному пассиву. Данное является исходным пунктом в обоих случаях, хотя и выражено различными синтаксическими средствами. Перевод двучленного пассива непереходными глаголами и персональной конструкцией составляет 35%.

8. Пассив, состоящий из глагола или модального глагола и пассива-инфинитива, переводится глаголами в безличном употреблении с *da*-инфинитивом (с некоторыми глаголами с *ma*-инфинитивом).

9. Формально личные, но по содержанию безличные конструкции переводятся — безличной конструкцией.

10. В общем наблюдается предпочтение персональной конструкции даже в случаях, когда имперсонал возможен. Для этой цели часто используются лексически различные, но функционально тождественные пассиву глаголы и различные другие лексические и грамматические средства.

TRANSLATION OF THE TWO-MEMBER ENGLISH PASSIVE INTO ESTONIAN

Summary

This paper deals with the translation of the two-member passive from English into Estonian. The rules of translation have been investigated and ascertained on the basis of a detailed study of standard translations from English into Estonian.

The most adequate grammatical category for rendering the English two-member passive is the Estonian impersonal passive — *umbisikuline tegumood*. But there are great differences between the English and the Estonian grammatical categories in origin and in function, in form and in grammatical meaning.

The impersonal passive permits functional and structural identity to the English two-member passive but is expressed by different syntactical means. The impersonal passive corresponds to the English two-member passive in presuming an unspecified agent.

Besides the impersonal passive the personal construction with transitive and intransitive verbs is used in the translation of the English passive.

Finite forms with the passive infinitive are translated with verbs used impersonally with the *da*-infinitive.

In addition various other means are used in translation, such as impersonal constructions, lexically different but functionally identical verbs and other lexical and grammatical means with preference of the personal construction.

Л. Х. Рандма

ВЫРАЖЕНИЕ ТРЕХЧЛЕННОГО АНГЛИЙСКОГО ПАССИВА В ЭСТОНСКОМ ЯЗЫКЕ

В переводе трехчленного пассива английского языка на эстонский язык самым близким по структуре является имперсонал эстонского языка с выражением агенса (производитель действия) конструкцией — *roolt*.¹ Конструкция с послелогом *roolt* соответствует английской конструкции с предлогом *by*. Одной из главных функций трехчленного пассива является выражение пациенса — данного в форме подлежащего предложения.² Перевод с конструкцией — *roolt* соответствует английскому трехчленному пассиву по своему коммуникативному значению, по расположению лексических единиц предложения и более или менее по грамматической структуре. Но большое различие наблюдается в оформлении пациенса (объекта действия) подлежащим в английском пассиве и дополнением и обстоятельством дополнением в эстонском имперсонале, за исключением нескольких спорных форм.³

Наряду с заимствованной конструкцией с послелогом *roolt* в оформлении агенса широко используются падежные формы, персональная конструкция предложения с инверсией и различные другие лексические и грамматические средства.

Примечание. Литература, цитированная в статье Л. Х. Рандма, «Выражение двучленного английского пассива в эстонском языке» и высказывания по исследованной проблеме не повторяются, а указываются в сносках.

¹ L. Kettunen, *Lauseliikmed...*, lk. 64 jt. *Eesti keele süntaks I*, lk. 216 jt.

² См. настоящее издание, стр. 10.

³ K. Kont. *Teadusliku süntaksi metodoloogias. Objektist passiivi liitkonstruktsioonides*. «Keel ja Kirjandus» nr. 10, 1959, lk. 609 jt. H. Rajandi, *op. cit.* No 9, lk. 538 jt., No 10, lk. 612 jt.

K. Kont. *Käändsõnaline objekt...*, lk. 153 jt.

Относительно свободный порядок слов эстонского языка⁴ выполняет в эстонском языке коммуникативную функцию предложения, которая в английском языке выражается пассивом. При исследовании переводов трехчленного пассива обращает на себя внимание предпочтение более характерной для эстонского языка персональной конструкции с закономерной структурной инверсией главных членов предложения.⁵ Перевод трехчленного пассива с инверсией составляет 39%.

Данные народного языка также показывают переключение на персональную конструкцию, как только отмечается агенс, напр.: rukkist leigati, siuti vihud kinni, igaüks pani vihu maha... pandi sideme khõrm piale, viidi pellule, sialt igaüks vettis omale puntra.⁶

В коммуникативном отношении перевод с персональной конструкцией и инверсией соответствует трехчленному пассиву, хотя члены логического членения выражаются различными членами предложения: подлежащим в пассиве и дополнением в переводе. Перевод с инверсией можно, однако, считать адекватным, так как члены логического членения могут быть выражены любыми грамматическими средствами.⁷ На применение порядка слов для выражения коммуникативной функции предложения имеются указания также в эстонской и финской лингвистической литературе.⁸

---

⁴ F. J. Wiedemann, op. cit., lk. 577 jt. A. Saareste. Kaunis emakeel. Lund, lk. 40 jt. H. Sepamaa. Eesti keele sõnajärjestuse küsimusi. «Keel ja Kirjandus» nr. 9, 1962, lk. 557. L. Kettunen. Über die Wortfolge im Finnischen und Urfinnischen. Helsinki 1953, S. 50 u. a.

⁵ Ed. Leppik. Lause pealiikmete inversioonist eesti kirjakeeles. «Emakeele Seltsi aastaraamat» 1959, lk. 41—51.

K. Leetberg. Eesti sõnade järjekorrast. «Eesti Kirjandus» 1937, lk. 69 jt. N. Remmel. Sõnajärjestus eesti lauses. Eesti keele süntakse küsimusi. Tallinn 1963, lk. 217 jt. ning muud kooli grammatikad.

⁶ Murdetekste Annast, 1951. Viljakoristamisest.

⁷ К. Г. Крушельницкая. Очерки по сопоставительной грамматике немецкого и русского языков. Москва 1961, стр. 197 и 198.

⁸ K. Leetberg. Eesti lauseõpetus keskkoolidele. Rakvere 1925, lk. 83 jt. R. Nurkse. Eesti keele sõnade järjekorrast. Kuukiri «Eesti Kirjandus» Nr. 8, 1929, lk. 323. E. Leppik, op. cit., lk. 44 jt. N. Remmel, Sõnajärjestus..., lk. 227 jt. A. Saareste. Subjekti ja predikaadi vastastikkusest asenemisest eesti keeles laiendi järgi. «Virittäjä» 1960, s. 293 jt. V. Tauli. Eesti kirjakeele sõnajärje probleemid. «Virittäjä» 1959, lk. 241. V. Tauli. Tegeliku süntaksi probleemidest. «Eesti keel ja kirjandus» nr. 5, 6, 1941. A. Saareste. Kaunis emakeel..., lk. 40 jt. Л. Хакулинен, цит. соч., II, стр. 181 и др.

Персональная конструкция с инверсией применяется в случаях, когда переходному глаголу пассива соответствует переходный в переводе. Если же английскому переходному глаголу соответствует непереходный глагол, то для выражения агенса используются различные другие языковые средства.

1. Выражение функции трехчленного английского пассива в эстонском языке посредством инверсии дополнения, обусловленной структурой предложения или его коммуникативной нагрузкой

Инверсию дополнения мы встречаем в переводах английского трехчленного пассива на эстонский язык, когда пациент имеет коммуникативное значение данного. Часто он является понятием, которое встречается в предыдущем контексте, или которое можно заключить из контекста.

Контекстуальная инверсия дополнения считается законной в эстонском языке и она часто применяется в переводах на эстонский язык.

Пассив, как известно, используется в английском языке для выражения пациента — данного формой подлежащего и его исходным положением в нейтральном стиле речи, причем агент с коммуникативным значением нового ставится в конец предложения. Таким образом агент получает ударение предложения или фразовое ударение, которое в нейтральном стиле речи ставится в конец предложения.⁹

В эстонском языке коммуникативное значение английского пассива передается инверсией дополнения и его исходной позицией в предложении. Дополнение — пациент выражает коммуникативное значение данного — логический субъект, о котором новая информация дается в логическом предикате, выражаемом сказуемым предложения и агентом. Агент в форме подлежащего ставится в конец предложения, где он получает ударение, характерное для логического предиката, являющееся также фразовым ударением в конце предложения в нейтральном стиле речи. Таким образом перевод на эстонский язык персональной конструкцией предложения и инверсией дополнения полностью соответствует коммуникативной нагрузке английского пассива. Английскому предложению соответствует в переводе также и расположение лексикосемантических единиц.

⁹ П. С. Попов, О логическом ударении..., стр. 87 и др. П. К. Ваараск. Тонические средства речи 1. Таллин 1964, стр. 82 и 83.

This was brilliantly exposed almost at the beginning of the period by Lenin in his *Materialism and Empiriocriticism*. (SH 528)

Seda tendentsi paljastas Lenin oma töös «Materialism ja empiriokrititsism» juba käesoleva perioodi algul. (TÜA 321)

Seda tendentsi paljastati Lenini poolt...

Если сравнить перевод данного контекста персональной конструкцией с переводом имперсоналом с конструкцией — poolt, то оказывается, что последнее не дает большей адекватности и поэтому перевод персональной конструкцией можно считать правомерным и стилистически более соответствующим эстонскому языку.

Инверсия дополнения наблюдается в переводе как личного, так и неличного трехчленного пассива в предложениях с нейтральной интонацией и в предложениях, где пациенс или агенс семантически подчеркнуты.

1. Перевод трехчленного пассива с инверсией дополнения в нейтральном стиле речи

Коммуникативная функция трехчленного пассива в нейтральном стиле речи выражается в эстонском языке инверсией дополнения, обусловленной структурным или коммуникативным фактором.

1. The silence was only broken now by the supping of James's soup. (MP 270) — Vaikust häiris nüüd ainult James'i leemesöömine. (VM 303)

2. The pictures had been bought by Timothy... (TL 76) Pildid oli Timothy kord... ostnud... (VU 80)

3. Liebig was after all justified that fermentation was caused by a chemical. (SH 616) — Liebigil oli tegelikult õigus, et käärimist põhjustab keemiline aine (TÜA 453)

4. The unity of the physical sciences is assured by a common quantitative approach to problems... (SH 511) — Füüsikateaduste ühtsust tagab ühine kvantitatiivne lähenemine probleemidele... (TÜA 379)

5. ...and they were backed by a body superbly strong. (Ma E 68) — ...ja neid toetas tugev keha. (ME 53).

6. This is shown by a well-known experiment. (EPH 39) — Seda kinnitab hästituntud katse (FE 31)

В данных примерах пациенс трехчленного пассива несет коммуникативную нагрузку данного и целью сообщения

являются сказуемое и агенс. Данное в большинстве случаев связано с предыдущим контекстом, но встречается в исходной позиции и при первом назывании (пример 1), хотя связь часто осуществляется по содержанию, а не буквальным повторением слова предыдущего текста.¹⁰ В примере 2 понятие *pictures* названо впервые, но предыдущее описание комнаты позволяет предположить, что там имеются также картины. В примере 3 пациенс является повторением слова предшествующего текста. В примере 4 резюмированы размышления предыдущего. В примере 5 личное местоимение по своей специфике указывает на предыдущее. Указательные местоимения по своему характеру влияют усиительно, но могут и просто указывать на предыдущее (пример 6).

Пациенс в начальной позиции особенно характерен для научного текста, где исходят из объекта действия. Поэтому в научном тексте так часто встречается пассив, обусловленный коммуникативной функцией.

В эстонском языке коммуникативная функция трехчленного пассива выражена персональной конструкцией и инверсией дополнения. Контекстуально связанная инверсия дополнения считается закономерной¹¹ и это обеспечивает в переводе функциональное соответствие подлиннику. Инверсия дополнения допустима также для выражения коммуникативного задания¹² в случае отсутствия контекстуальной связи.

Инверсия дополнения применяется большей частью в главных предложениях, но встречается и в придаточных предложениях (пример 3).

Инверсия обстоятельственного дополнения применяется в переводе трехчленного пассива так же, как и инверсия дополнения. Обстоятельственное дополнение подчиняется тем же правилам, что и дополнение и применяется в зависимости от управления глаголов. Напр.:

1. **This is indicated by the remarkably small damage...** (С 177) — **Sellele viitab silmatorkavalt väike kahjustus.** (К 188)

2. **They had been joined by a thin woman in black.** (МА 389) — **Nendega ühines sale musta rõivastatud naisterahvas.** (А 436).

¹⁰ Т. В. Строева, цит. соч., стр. 259.

¹¹ Ed. Leppik, op. cit., lk. 49.

¹² См. настоящее издание стр. 30, сноска 8.

2. Инверсия дополнения в переводе семантически подчеркнутого пациенса

Семантически подчеркнутый пациенс трехчленного пассива адекватно переводится дополнением в исходном положении, так как ударение разрешает ставить дополнение в начало предложения, что подчеркивает связь с предшествующим контекстом.

1. The first of these co-enzymes — **cozymase** — **was detected by Harden and Young** ... (SH 622) — Esimese neist koensüümidest — **kosümaasi** — **avastasid Harden ja Young** ... (TUA 456)

2. This **suggestion** of the importance of sex and hormones **has been made to me by Dr. J. Lettvin** ... (C 152) — Selle **vihje** sugulisuse ja hormoonide tähtsuse kohta **on mulle teinud doktor J. Lettvin** ... (K 162)

3. It is not he **who is revealed by the painter** ... (PDG 26) — Mitte **teda ei ilmuta maali**ja ... (DGP 33)

В данных примерах пациенс семантически подчеркнут числительным, указательным местоимением и повторением (пример 1), указательным местоимением и определением (пример 2) и усилительной конструкцией (пример 3).

3. Инверсия дополнения в переводе семантически подчеркнутого агенса и предиката

Трехчленный пассив обусловлен не только коммуникативной функцией в предложениях, где агенс — цель сообщения — семантически подчеркнут определением, причастным оборотом, придаточным предложением или несколькими из этих конструкций. В этом случае пассив является предпочтительной конструкцией при оформлении предложения, давая возможность вынести перегруженный агенс в конец и освободить место в начале пациенсу — данному.

В переводе с персональной конструкцией в таких случаях инверсия дополнения необходима, во-первых, чтобы дать пациенсу — данному исходную позицию и, во-вторых, чтобы отнести осложненный определениями агенс в конец. Распространения агенса, отделяющие подлежащее от сказуемого, стилистически ослабляют динамику предложения. Так что инверсия в переводе зависит не только от коммуникативного, но и от синтаксического факторов, нередко предполагая их взаимодействие.

В предложении с семантически подчеркнутым агенсом и сказуемым смысловые центры предложения тождественны смысловым центрам в предложениях с нейтральной интона-

цией. Фразовое ударение в конце предложения с нейтральной интонацией выступает здесь в усиленном виде.

В переводе с персональной конструкцией постановка подлежащего — агенса в необычное для него место — в конец предложения и смещение пациенс-дополнения в исходную позицию соответствует в коммуникативном отношении трехчленному пассиву. Положение членов предложения, семантически особенно значимых, не зависит от правил порядка слов в эстонском языке¹³ и поэтому в переводе легче придерживаться подлинника и применять инверсию, если этого требует адекватность перевода.

1. Roger's arm was conditioned by a civilization that knew nothing of him and was in ruins. (LF 178) — Rogeri kätt hoidis tagasi tsivilisatsioon, mis ei teadnud temast midagi ja oli varemeis. (KJ 54).

2. The world has always been ruled by the Philanthropists; by the doctors that want to use therapeutic methods they do not understand, by the soldiers that want something to defend their country against, by the preachers that yearn... (MA 302) — Maailma on alati valitsenud filantroobid, arstid, kes tahavad tarvitusele võtta terapeutilisi meetodeid, ilma et nad ise neid mõistaksid; sõjamehed, kel alati peab olema keegi, kelle eest oma isamaad kaitsta; papid, kelle suuremaks südamesooviks on... (A 338)

3. Gas was, in fact, used once more, but only by Mussolini in his civilizing mission against the Ethiopians... (SH 613) — Gaasi kasutas tegelikult hiljem kord vaid Mussolini oma tsivilisatsiooni missioonil abessinlaste vastu... (TUA 450)

4. The cry he gave was echoed, not only by his companions on board, but by a great number of voices from the shore... (T 1 107) — Tema karjatust saatis kisa mitte üksi pardal, vaid ka rannas... (AS 120)

5. ...that the problem of discovering its mechanisms was carried ahead through the same great step by two men working at about the same time: Charles Darwin and Alfred Wallace. (C 47) — ...et selle arengu olemuse avastamise probleemi arendasid ühesuguse suure sammu võrra edasi kaks umbes ühel ajal töötanud meest — Charles Darwin ja Alfred Wallace. (K 53)

Для усиления семантической значимости агенса употребляются: придаточное предложение (пример 1, 2), причаст-

¹³ См. настоящее издание стр. 30, сноска 5.

ный оборот (пример 5), перечисление (пример 2), усилительные частицы и слова (пример 3) и различные другие средства. Для насыщенного информацией научного стиля характерны распространенные предложения. При этом наблюдаются различные возможности их распространения. Имеются примеры, где семантически подчеркнут агенс и предикат (пример 3), пациенс и агенс (пример 4) или даже все три (пример 5).¹⁴

4. Инверсия дополнения и обстоятельственного дополнения

В определительном предложении относительное местоимение, осуществляющее контекстуальную связь, имеет исходное положение в предложении. Когда оно является пациенсом, пассив дает ему форму подлежащего и позволяет вывести агенс в конец предложения.

В эстонском языке местоимение по своей специфике также стоит в начале определительного предложения. Если же оно является пациенсом, то, в отличие от английского языка, по синтаксическому членению оно выступает дополнением, определением дополнения или обстоятельственным дополнением, занимая по правилам структурной инверсии исходное положение. Таким образом перевод построен синтаксически иначе чем пассив, но в коммуникативном отношении ему тождествен.

1. Ted had the immense and joyful maturity of a boy, **who is respectfully listened to by his elders.** (Bab 74) — Ted omas sellise poisi määratud ja rõõmsat küpsust, **keda täiskasvanudki kuulavad lugupidamisega.** (B 99)

1a. ... **keda täiskasvanutegi poolt kuulatakse** lugupidamisega. (B 99)

2. ... is an article on governors, **which was published by Clerk Maxwell in 1868.** (C 19) — ... on artikkel regulaatoritest, **mille avaldas Clerk Maxwell aastal 1868.** (K 24)

3. The study of vitamins and hormones... make it very tempting to think of organisms... as chemical machines,

---

¹⁴ Бывают случаи применения инверсии дополнения, встречающиеся в переводе предложений, которые в английском языке начинаются обстоятельством, напр.: Also, like most hotels of its kind, it was frequented by a certain type of eager and ambitious male... (ATr 60) — Green Davidsoni, nagu enamikku teisigi seda laadi hotelle, külastas sageli teatavat sorti ebamäärases eas... mehi... (AT 54)

whose performance is entirely determined by the totality of active agents administered to them. (SH 626) — Vitamiinide ja hormoonide uurimine... viivad ahvatlevale mõttele vaadelda organisme... kui keemilisi masinaid, mille talituse täielikult määravad neisse viidavad aktiivsed ained. (TUA 460)

4. We must again ask the questions which have already been answered by the corpuscular theory... (EPH 111) — Me peame veel kord vaatama samu küsimusi, millele korpuskulaarteooria juba andis vastuse... (FE 80)

Относительное местоимение в переводе выступает дополнением в партитиве (пример 1), в генитиве (пример 2), определением дополнения (пример 3) и обстоятельственным дополнением (пример 4).

Коммуникативную нагрузку пассива с личным агенсом можно в определительном предложении выражать и имперсоналом с конструкцией *po olt* (см. трансформация примера 1), но переводчики предпочитают персональную конструкцию. С неличным агенсом конструкция *po olt* не употребляется, напр.: *mille talitust määratakse neisse viidavate ainete poolt* (трансформация примера 3). С неличным агенсом в инструментальном значении возможен имперсонал с выражением агенса комитативом, напр.: *mille talitust määratakse neisse viidavate ainetega* (трансформация того же примера). Но чаще всего в переводе определительных предложений встречается персональная конструкция.

В итоге можно отметить, что частотность инверсии дополнения и обстоятельственного дополнения в переводе пассива, обусловленного коммуникативной функцией, является наибольшей (свыше 50%) из всех случаев использования инверсии в переводе.

II. Инверсия главных членов предложения в переводе трехчленного пассива в предложениях, начинающихся обстоятельством, придаточным предложением или причастным оборотом, и в условиях придаточных

Трехчленный пассив в предложениях, начинающихся обстоятельством и т. д., переводится персональной конструкцией с инверсией, так как в эстонском языке требуется инверсия подлежащего и сказуемого в предложениях с обстоятельством в исходном положении.

Порядок слов в предложениях, начинающихся обстоятельством, в английском и эстонском языках не совпадает полностью, напр.:

In the first place **it was taken up by Sir William and Sir Lawrence Bragg, father and son...** (SH 522) — Esmajoones **rakendasid seda William ja Lawrence Bragg, isa ja poeg...** (TUA 387) — Esmajoones **rakendati seda William ja Lawrence Braggi, isa ja poja poolt...**

Порядок слов в английском предложении: обстоятельство, подлежащее (пациенс), сказуемое, предложное дополнение (агенс), а в эстонском предложении: обстоятельство, сказуемое, дополнение (пациенс), подлежащее (агенс). Однако перевод с инверсией считается адекватным, потому что структура эстонского языка не разрешает иного порядка слов.

Применением имперсонала с конструкцией — *poolt*, который возможен только с личным агенсом, не достигается большее коммуникативное соответствие.

Иногда, как в данном примере, послеслог *poolt* ставится не непосредственно за агенсом, а за его распространением.

Очевидно, по этой причине в переводе широко применяется персональная конструкция со структурной инверсией.

1. In our century a highly refined **technique was devised** for this purpose **by Michelson.** (EPh 96) — Meie sajandil **töötas selleks erakordselt peene katsetehnika välja Michelson.** (FE 76)

2. At first **he was annoyed by** Sondelius's disturbing **presence...** (MA 365) — Esialgu **häiris teda** Sondeliuse **juuresolu...** (A 408)

3. As he relaxed **he was pierced by** the familiar and irritating **rattle** of someone cranking a Ford... (Bab 10) — Kui ta oli jälle lõtvunud, **läbis teda** õdus ja erutav **hääл**, keegi käivitas Ford autot... (B 11)

4. As we have seen in the discussion of Gestalt the **ideas** of communication **have already been applied by McCulloch...** (C 35) — Nagu me Gestaldi käsitlelus nägime, **on** sidetehnika **põhimõtted...** **rakendanud** juba **McCulloch...** (K 41)

5. Passing through the groceries her **eye was unpleasantly attracted by** a back view of a very beautiful figure... (MP 188) — Kui ta läbi koloniaalkaupluse osakonna läks, **häiris ta pilku** väga ilusa kogu selja **nägemine.** (VM 199)

6. Scanning them together... **he was** more **irritated** than ever by **Madeline**. (MA 77) — Uurides neid kõrvuti... **vihastas Madeline** teda rohkem kui kunagi varem. (A 86)

В приведенных примерах инверсия в переводе обусловлена обстоятельством в начале предложения (примеры 1, 2), предшествованием придаточного предложения (примеры 3, 4). Предшествование причастного оборота в переводе встречается редко (пример 6). Иногда причастный оборот английского языка переводится предшествующим придаточным предложением (пример 5).

Инверсия применяется при переводе пассива в условных предложениях, и это способствует адекватности перевода.

1. ... unless it is applied by a statistician... (C 35) — kui just seda ei rakenda statistik... (K 41)

2. ... when we are stirred by some new emotion... (PDG 46) — kui meid erutab mõni uus tundmus... (DGP 53)

Таким образом можно сказать, что в переводе трехчленного пассива персональной конструкцией частотность применения инверсии дополнения самая большая. Следующей по частотности является употребление в переводе инверсии, обусловленной обстоятельством в начале предложения и предшествованием придаточного предложения. Реже встречается использование инверсии вследствие предшествования причастного оборота и в условных предложениях.

III. Различные способы выражения агенса в переводе трехчленного пассива

Кроме инверсии, которая дает возможность применять в переводе трехчленного пассива персональную конструкцию, тождественную пассиву в коммуникативном отношении, употребляются еще различные способы выражения агенса: конструкция — *po olt* в имперсонале и некоторые падежи в имперсональной или персональной конструкции. Для эстонского языка характерно употребление имперсонала с личными формами глагола при неназванном личном агенсе¹⁵ и переключение на персональную конструкцию, когда агенс называется (см. пример стр. 30, сноска 6). Применение агенса с

¹⁵ Считают, что пассив эстонского и западно-финских языков связан с каузативными суффиксами и предполагают его первоначальную личность

конструкцией — роолт более обычно при неличных глагольных формах, в частности, с причастием -tud.

Выражение агенса в имперсонале эстонского языка в старых письменных памятниках, в переводах с немецкого языка, в проповедях, составленных по немецким источникам, осуществляется главным образом посредством падежной формы агенса и использования послелогов läbi, роолт и др.

В памятниках XVII и XVIII веков агенс наблюдается преимущественно в форме элатива и реже с послелогом läbi, напр.:

olli errapeatut neist wickattist, neist köbblist, neist kolmeharalissist wiglust, ninck neist kirwist (Joh. Gutsleff, Samueli esimene ramat, 1649—56, lk. 126). **Sai Jesus rissti ladwast lebbi Joseph maha wöttetud** (Stahli jutlus 1638, lk. 37);¹⁶

... miss minust seest Kuninga kochtust sap küssitus...¹⁷

Kumb Parrast Issanda Jesuse Kristuse sündimist Pühhist Ewangelistist ning Apostlist on üleskirjotud (Johann Daniel von Berthold, Kuio Arrasselletamine, lk. 49)¹⁸

Элатив широко применяется в XIX веке в подлинных произведениях и в переводах, напр.:

isast päriseks ostetud (lk. 6), **olge tervitatud Lilly Suburgist** (lk. 36)¹⁹ **armastatud mehest maha jäetud olevat** («Ferida», O. Elsteri romaan, Eestistanud N. N. Tammeri).²⁰

Элатив употребляется почти последовательно в переводах художественных произведений, напр.:

(Д. В. Бубрих, Л. Хакулинен, E. N. Setälä, L. Kettunen, K. Kont), но при этом находят, что он одноличный и бессубъектный (Л. Хакулинен, цит. соч., стр. 237 и др.). В эстонском и финноугорских языках не наблюдается общей и древней формы агенса. Для выражения агенса использовались различные падежи и заимствованные послелогом (V. Hallar, op. cit., lk. 83 jt.). Против выражения агенса при помощи заимствованных послелогов имеются возражения также в лингвистической литературе финского языка (Л. Хакулинен, цит. соч.).

¹⁶ Valik eesti kirjakeele vanemaid mälestisi, välja andnud A. Saareste ja A. Cederberg, vihk I, 1927.

¹⁷ P. Ariste. Eesti keelt rootsiaegsete kohtute protokollidest. Eesti Keele Arhiivi Toimetised, nr. 6 1936, lk. 5.

¹⁸ Eesti Kirjandusajalugu tekstides. Toimetanud G. Suits ja M. Lepik, I osa. Tartu 1932.

¹⁹ Eesti perekonnaleht «Linda», 1887.

²⁰ «Postimees», 1892.

sai ta kõikidest imestatud... ja armastatud (lk. 4);²¹ Siegfri-
dist ehitatud kirik (lk. 156);²² sinust surma mõistetud (lk. 50);²³
ollin üksi jaetud kõigist (lk. 49).²⁴

Наряду с элативом, хотя и относительно реже наблю-
даются послелогои роолт и läbi в ранних и более поздних
памятниках, напр.:

mis tema toiduks öela Golo poolt oli määratud (lk. 23);²⁵
Tartu linna poolt anti ülikooli piduvõõrastele ja ülikooli poolt
linnaavalitsusele ning külalistele suur pidusöök (lk. 15);²⁶ Prii-
erakooli õpetajannale S. H. on kuraatori poolt antud;²⁷ rae-
kohtu polest... juba seatud on (lk. 122)²⁸.

Анализ показывает, что в старых письменных памятни-
ках чаще, употреблялся элатив, чем послелоготи. В XX веке,
особенно во втором десятилетии конструкция — роолт
берет верх.

В произведении «Valik eesti kirjakeele vanemaid mälestisi»
в текстах превалирует элатив и в некоторых случаях läbi
(20 случаев элатива и 2 случая läbi, стр. 5—160). В предис-
ловии этого же произведения (1927 года) последовательно
встречается конструкция — роолт (стр. 1 и др.), напр.:

leiti peamiselt A. R. Cederbergi, H. Pürkopi ja P. Johanseni
poolt.²⁹

В современном эстонском языке элатив применяется для
указания агенса только с целью исторической стилизации
речи, напр.:

tervis oli perenaisele jumalast hea antud.³⁰

Применение агенса как с элативом, так и с послелоготи
указывает на влияние немецкого языка, потому что в эстон-
ском языке отсутствует стабильная и единая форма агенса.³¹

21 Täielik Jenoweva elulugu. K. von Schmidt ja E. Ewersi järele, 1892.

22 Kõige täielikum Jenowewa elulugu. K. von Schmidt ja E. Ewersi
järele, 1893.

23 Waga Jenowewa elulugu. K. von Schmidt ja E. Ewersi järele, 1901.

24 Genowewa halle elloluggu. Schmid, C. Tartu, 1875. Saksa keele ramato
järele: «Genovefa», C. Körberi kirjutatud.

25 Kõige täielikum Jenowewa elulugu...

26 Eesti Perekonnaleht «Linda», 1902.

27 «Postimees» nr. 26, 1892.

28 «Perno Postimees ehk Nädalileht», 1895.

29 Valik eesti kirjakeele vanemaid mälestisi...

30 A. H. Tammsaare «Tõde ja õigus» I. Tartu 1929, lk. 30.

31 V. Hallap, op. cit., lk. 83 jt.

Выбор падежной формы агенса в старых письменных памятниках, возникших под влиянием немецкого языка, можно объяснить желанием образовать агенс, соответствующий эстонскому языку, где имеется мало аналитических форм. Сказывается также и влияние немецких послелогов *von* и *durch*, которым непосредственно соответствует послелог *poolt*.

1. Применение конструкции — *poolt* в переводе с имперсоналом

Заимствованная конструкция — *poolt* соответствует предлогам, используемым в индоевропейских языках, в английском — форме *by* для называния агенса в пассивных конструкциях, и способствует адекватному переводу без изменения структуры предложения. Но, несмотря на структурное преимущество и довольно долгое употребление в эстонском языке, конструкция — *poolt* все же глубоко не внедрилась. По сравнению со всеми другими средствами, используемыми в переводе трехчленного пассива на эстонский язык, процент ее применения в современном эстонском языке равен только 6,4 по данным научно-технической литературы.

В фольклоре, как только упоминается агенс (стр. 30, сноска 6), мы видим переключение на персональную конструкцию. Но в редких случаях встречается конструкция — *poolt*, куда она проникла под влиянием немецкого языка, напр.: *need treigipäevad maksti mõesa puolt välla*.³²

Против конструкции — *poolt* в эстонской лингвистической литературе многократно выступали.³³

³² Valimik Emakeele Seltsi korrespondentide murdetekste, kogutud 1951, lk. 72.

³³ У. Мересте (U. Mereste. Uliõpilastööde koostamise metoodikast, Tallinn 1965, lk. 126—127) пишет, что часто пользуются плохим эстонским языком, злоупотребляя языковыми штампами, выражениями и грамматическими формами, которые вытесняют другие лучшие. Одним из них является конструкция — *poolt* — так называемая «*poolt — tõbi*». Он также приводит примеры, как избежать этой ложной формы и образовать стилистически более удачные предложения. Э. Киндлам (E. Kindlam. Et sõna tõuseks ausse. «Keel ja Kirjandus» nr. 3, 1966, lk. 154) находит, что отсутствие конструкции — *poolt* положительно влияет на конструкцию предложения. Она полагает, что эту конструкцию можно допускать в связи с атрибутивными причастиями *-tud* или *-v*. Однако с личными формами глагола Э. Киндлам находит конструкцию — *poolt* неуместной и приводит некоторые выразительные примеры. Л. Або (L. Abo. Käsikiri ja korrigeer. Tallinn 1966 lk. 87). советует воздержаться от имперсонала, когда указано действующее лицо и приводит примеры с использованием инверсии дополнения как средство указания агенса в эстонском языке.

Из анализа примеров с конструкцией — *roolt* явствует, что ее можно почти полностью заменить другими более характерными для эстонского языка языковыми средствами. Во-вторых, не имеется ни одного перевода, где конструкция — *roolt* применялась бы последовательно. В большинстве случаев в переводе применяются другие средства и лишь изредка встречается конструкция — *roolt*. С другой стороны, имеются переводы актива английского языка с конструкцией — *roolt*. Это показывает, что некоторые авторы применяют имперсонал и конструкцию — *roolt* не только как прямое соответствие трехчленному пассиву, но и как стилистический прием. Так, Г. Мери в переводе произведения А. Кронина «Цитадель»³⁴ применяет в 1 части (100 стр.) конструкцию — *roolt* 7 раз в переводе личных форм трехчленного пассива и причастных оборотов и 8 раз в переводе активных конструкций английского языка, но и он не пользуется конструкцией — *roolt* исключительно, а применяет также другие средства.

Видимо, главной причиной употребления конструкции — *roolt* в переводе является желание возможно точно придерживаться грамматической структуры английского предложения. Требование адекватности, однако, противопоставляется буквализму в переводе.

1. **It was all gone into and arranged by the doctors themselves a long a long time ago. (Cit 122) — See kõik on juba ammu aja eest arstide eneste poolt kaalutud ja korraldatud. (Tsit 120)**

1a. **Selle kõik on arstid ise juba ammugi läbi kaalunud ja korraldanud.**

2. **The third of these is reduced by Locke, and even more definitely by Hume... (C 156) — Kolmas neist on koondatud Locke'i poolt ja koguni veel lõplikumalt Hume'i poolt... (K 166)**

2a. **Kolmanda neist on koondanud Locke ja koguni veel lõplikumalt Hume...**

3. **It was suggested by Haldane in a tentative manner, that this may be the way in which genes and viruses reproduce themselves... (C 111) — Haldane'i poolt oli katselisel viisil püstitatud väide, et see võikski olla viisiks, mil moel geenid ja viirused end paljundavad... (K 120)**

3a. **Selle kohta väitis Haldane katseliselt, et just see võiks olla viisiks...**

³⁴ A. J. Cronin. The Citadel. London 1939. A. Cronin. Tsitadell. Tõlk. G. Meri. Tallinn 1948.

В первых двух примерах пациенс является данным, выражая связь с контекстом. Перевод с имперсоналом и конструкцией — *poolt* соответствует трехчленному пассиву в коммуникативном и структурном отношениях, но является в эстонском языке стилистически неуместным с личными формами глагола.

В эстонском языке, как свидетельствуют трансформации, имеется возможность употреблять персональную конструкцию и вполне закономерную исходную позицию пациенса — данного в форме дополнения, которое в примере 2 приобретает еще особую семантическую значимость. Таким образом, перевод с персональной конструкцией и инверсией полностью соответствует подлиннику в коммуникативном и стилистическом отношениях.

В примере 3 конструкция — *poolt* не соответствует подлиннику по коммуникативному содержанию. В английском предложении употребление местоимения *it* не является ссылкой на предыдущее понятие, а используется как лексически опустошенная единица в оформлении коммуникативного смысла односоставного предложения (имеющего только состав нового). Адекватный перевод в эстонском языке предполагает персональную конструкцию и начальное положение обстоятельства (трансформация 3а).

Конструкция — *poolt* совершенно излишняя в переводе трехчленного пассива, пациенсом которого является относительное местоимение, потому что в эстонском языке исходная позиция относительного местоимения в функции дополнения соответствует по коммуникативному содержанию подлежащему английского атрибутивного предложения. Стилистически перевод персональной конструкцией, как явствует из трансформаций в эстонском языке, предпочтителен.

1. Remedies ... **that were shoved in by somebody** in the Middle Ages. (Cit 61) — On arstimeid ... **mis on kellegi poolt juba keskajal raamatuisse poetatud.** (Tsit 60)

1a. ... **mida keegi poetas** raamatuisse juba keskajal.

2. ... **those who had been driven out by the Nazis and Fascists, were well aware** ... (SH 537) — ... eriti need, **kes olid välja aetud natside ja fašistide poolt, olid väga hästi teadlikud** ... (TUA 397)

2a. ... eriti need, **keda olid välja ajanud natsid ja fašistid** ...

3. ... **and whose murdered body was covered with roses by a harlot who had loved him.** (PDG 179) — ... ja **kelle tapetud korjus kaeti rposidega teda armastava tüdruku poolt.** (DGP 186)

3a. ... ja **kelle** tapetud **keha kattis** roosidega teda armastav tüdruk.

Предложения с трехчленным пассивом, которые начинаются обстоятельством, обособленным оборотом или которым предшествует придаточное предложение, требуют структурной инверсии в эстонском языке и этим дают возможность избежать конструкции — *poolt* и обеспечить функциональное тождество в переводе (см. трансформации примеров 1, 2).

1. **Also it was promptly rejected by the magazines ...** (MaE 208) — **Loomulikult lükati see** jalamaid **tagasi kõigi ajakirjade poolt ...** (ME 185)

1a. **Loomulikult lükkasid selle** jalamaid **tagasi kõik ajakirjad ...**

2. When he entered the drab reception office **he was highly received by the stenographer** and the two visiting nurses (Ma 212) — Kui ta astus luitunud vastuvõturuumi, **võeti ta soojalt vastu kiirkirjutajanna** ja kahe **meditsiiniõe poolt.** (A 236)

2a. Kui ta astus luitunud vastuvõturuumi, **võtsid kiirkirjutajanna** ja kaks **meditsiiniõe** ta soojalt **vastu.**

2. Выражение агенса в эстонском языке различными падежами

Выражение агенса различными падежами имеет место с неличным агенсом в персональных конструкциях и в конструкциях с имперсоналом. Такого типа агенс — средство, причина или источник какого-нибудь процесса или явления, часто встречается в научной литературе, составляя 29% переводов трехчленного пассива.

Падежные формы употребляются также при сказуемом с предикативом, но являются здесь не обозначением действующего лица, а причинами какого-либо состояния. Стоит отметить, что трехчленная конструкция с падежным распространением, выражая психическое или физическое состояние, характерна для художественного стиля, а падежная форма с причинным, инструментальным значением свойственна научному стилю.

Различные падежные формы в эстонском языке зависят от управления глагола и дают возможность переводить трехчленный пассив персональной конструкцией. Эта возможность широко применяется в переводе. Падежная форма агенса применяется также в переводе с имперсоналом

и пассив, состоящий из глагола или модального глагола с инфинитивом пассива, переводится безлично используемыми глаголами с *da* — инфинитивом, который придает предложению пассивное осмысление.

а. Выражение агенса элативом

В переводе предложной конструкции трехчленного пассива в эстонском языке применяется элатив с личными формами глагола для выражения неличного агенса. Элатив употребляется с персональной конструкцией и с непереходными глаголами, управляющими этим падежом.

1. He was still asleep in the fading afternoon when **he was startled by a shout**. (H 220) — Alles siis, kui väljas hakkas juba hämaruma, **ehmatas ta hüüust** ... (Kü 220)

б. Выражение агенса комитативом

Комитатив употребляется для обозначения неличного агенса со значением предмета или явления (пример 2), а в некоторых случаях и лица (пример 1) с имперсоналом или персональной конструкцией. Комитатив применяется согласно правилам управления при переводе английских предложных конструкций. Однако предложные конструкции в английском языке, обычно применяемые для выражения агенса, могут также выражать не агенса, а орудие действия. В этом случае трехчленная конструкция по своему содержанию является двучленным пассивом.

1. The front of the fire was filled with dancers. (PTh 219) — Akki täitus väike lõkkeesine **tantsijatega**. (Kr. 212)

2. ... so that the system is replaced by a system ... (C 60) — ... nii et süsteem asenduks **süsteemiga** ... (K 66)

с. Выражение агенса другими падежами

В переводе трехчленного пассива употребляется еще адессив, хотя значительно реже чем названные выше падежи (пример 1). Кроме них изредка встречаются еще аблатив (пример 2), аллатив (пример 3) и генетив (пример 4).

1. «Be guided by events» (TL 224) — «Lasen ennast **sündmustel juhtida**» (VÜ 250)

2. In this we were enthusiastically backed by our respective institutes (C 31) — Selles leidsime me innukat **toetust kumbki oma asutuselt**. (K 37)

3. ...but **are** thoroughly **disliked** by their friends... (PDG 212) — ...kuna **nad** oma **sõpradelegi ei meeldi**. (DGP 219)

4. ...as **most** of the sulphur deposits **are made** by them. (SH 637) — ...sest **enamik** väävliilademeid **on nende tekitatud**. (TUA 467)

3. Выражение агенса отыменными предлогами

В переводе трехчленного пассива с неличным агенсом, кроме указанных возможностей выше, применяются еще отыменные предлоги и отыменные предлоги в функции существительного, напр.:

abil, toimel, tõttu, tänu, kaudu, teel, läbi, vahendusel, nimel, suunamisel.

Они за исключением послелога *roolt* употребляются в переводе с имперсоналом и при персональной конструкции с переходным глаголом, когда английскому переходному глаголу соответствует непереходный глагол в эстонском языке. Использование отыменных предлогов более характерно для научно-технического стиля, где агенс встречается в неличном инструментальном и причинном значениях. В указанном значении в английском языке изредка встречаются, кроме предлога *by*, также *with* и *through* (пример 2).

1. ...where **water and mud were being acted upon by sunlight**. (SH 640) — ...kus **vesi ja muda aktiveerisid päikesevalguse toimel**. (TUA 469)

2. The televised **picture is transmitted through** electromagnetic waves... (EPh 189) — Kella **kujutis jõudis** televiisorisse elektromagnetiliste **lainete vahendusel**... (FE 133)

3. ...but **these were females; or if not, had been corrupted by their wives, or by mothers**... (MP 85) — ...kuid need olid naised; või kui mitte, siis **olid nad rikutud oma naiste või ka emade kaudu**... (VM 73)

В данных примерах отыменные предлоги и существительные в функции отыменных предлогов применяются в переводе для выражения агенса посредством персональной конструкции с непереходным глаголом (примеры 1, 2), имперсонала (пример 3).

4. Употребление различных других грамматических и лексических средств в переводе с персональной конструкцией

В переводе применяются кроме уже упомянутых еще различные другие грамматические и лексические средства, составляя 20% из переводов трехчленного пассива.

Больше всего употребляются разные виды обстоятельств с личным и неличным агенсом, непереходные глаголы вместо английских переходных глаголов, часто лексически различных, но по содержанию тождественных глаголу пассива, глагольных словосочетаний, фразеологических сочетаний и парафраз. Применяется главным образом персональная конструкция и в немногочисленных случаях имперсонал. Используются еще некоторые языковые средства, как причастный оборот, препозитивное причастие, придаточное предложение, выражение агенса в самом глаголе вместо имперсонала и др.

Причиной применения различных грамматических и лексических средств в переводе является желание использовать персональную конструкцию и также различие структуры английского и эстонского языков, различие в переходности глагола и стилистические соображения.

1. **This is clearly shown by the example** of the velocity of light. (EPh 197) — See ilmneb selgesti valguse kiiruse näites. (FE 139)

2. ... **he was called by an old woman** (Cit 65) — ... Ta kutsuti ühe vanamoori juurde. (Tsit 63)

3. **The assembly was shaken as by a wind.** (LF 112) — Koosolek vabises nagu tuule käes. (KJ 36)

4. Let us now write down the facts **which have been sufficiently confirmed by experiment...** (EPh 185) — Kirjutame nüüd üles eksperimentaalselt kindlakstehtud faktid... (FS 130)

5. ... **we were seriously hampered by the lack of unity...** (C 19) — ... takerdusime me tõsiselt seetõttu, et puudus ühtlus. (K 24)

6. **This is expressed by the sentence...** (EPh 212) — Selle kohta öeldakse. (FE 151)

7. **Johnny was slapped by Bill.** (LF 125) — Johnny sai Billilt vastu kõrvu. (KJ 88)

8. **The floors were swept by women hired by the superintendent...** (MA 380) ... põrandapesijate palkamine on majahoidja asi. (A 425)

9. **Lands are neglected and people are half starved and riddled by disease...** (SH 602) — **Maad jäetakse hooletusse ning inimesed on pooleldi nälga suremas ning kannatavad haiguste käes...** (TÜA 443)

В данных примерах агенс трехчленного пассива выражается обстоятельствами места (пример 1), цели направления (пример 2), образа действия (пример 3), причастным оборотом (пример 4), придаточным предложением (пример 5), фразеологическим сочетанием (пример 7) и парафразой (пример 8). В примере 6 агенс выражается самым глаголом в переводе с безличной конструкцией. Персональная конструкция с непереходным глаголом применяется в примерах 1, 3, 4, 7.

В примере 9 средства перевода пассива варьируются по стилистическому соображению. Все приведенные переводы функционально соответствуют подлиннику.

5. Замена конструкции — *roolt* другими языковыми средствами

а. Функционально несоответствующим переводом

В некоторых случаях, желая избежать конструкции — *roolt*, трехчленный пассив переводят персональной конструкцией, но с функционально несоответствующим порядком слов. Это с точки зрения адекватности перевода не разрешается и встречается только в объеме 7,8%. В этих случаях желательно прибегать к различным другим средствам и как видно из предыдущего анализа, такие всегда найдутся. Это можно еще подтвердить несколькими примерами и их трансформациями.

1. **This principle has, moreover, been given an altogether different meaning by popular scientific writers and even more so by philosophers.** (SH 531) — **Pealegi on populaarteaduslike kirjutiste autorid ja veel enam filosoofid andnud sellele printsiibile hoopis teise tähenduse.** (TÜA 393).

1a. Sellele **printsiibile on andnud** pealegi hoopis teise tähenduse populaarteaduslike kirjutiste **autorid** ja veel enam **filosoofid**.

1b. Pealegi **on sellele printsiibile andnud** hoopis teise tähenduse populaarteaduslike kirjutiste **autorid** ja veel enam **filosoofid**.

2. **He was astonished by everything** in the world that did not bear on his grain elevator, his creamery, his tiny bank, the United Brethren Church, and the careful conduct of an Overland car. (Ma 112) — **Kõik** siin maailmas, mis polnud seoses ta viljaelevaatoriga, meiereiga, ta tillukese pangaga, ühtse vennastekogu kirikuga ja «Overlandi» auto ettevaatliku juhtimisega, **hämmastas teda**. (A 127)

2a. **Teda hämmastas kõik** siin maailmas . . .

Перевод первого примера с начальным обстоятельством и следующим за ним агенсом не соответствует функционально английскому пассиву, где пациент является данным. Функциональное соответствие в переводе можно достигнуть инверсией контекстуально связанного дополнения с постановкой семантически подчеркнутого агенса — цели сообщения — в конец предложения (трансформация 1а). Возможен также перевод с начальным обстоятельством, но с порядком слов, который в коммуникативном отношении соответствует подлиннику и при этом не противоречит нормам эстонского языка (трансформация 1в). В примере 2 агенс является целью сообщения и перевод с агенсом в исходном положении функционально не соответствует английскому пассиву. Кроме того, агенс распространен определениями, которые своим положением между подлежащим и сказуемым противоречат стилю предложения. Функционально соответствующий перевод достигается инверсией контекстуально связанного дополнения (трансформация 2в).

Перевод пассива с агенсом в начальном положении возможен в коммуникативном отношении, если агенс является данным. Однако в английском пассиве агенс редко дан и поэтому в исследованном материале мало встречались примеры такого типа. В нижеприведенном примере агенс *tema* данное понятие, и поэтому перевод с агенсом в начальной позиции не противоречит нормам коммуникативно соответствующего порядка слов.

1. You will find one some day, and **you will love him and be loved by him** and you will **be happy** with him . . . (Ma 179) — Ühel päeval leiad sa sellise. Ja sa **hakkad teda armastama** ja **tema hakkab sind armastama** ning te saate õnnelikuks . . . (ME 157)

Часто имеются возможности избежать конструкцию — poolt в переводе пассива, применяя персональную конструкцию предложения с инверсией или падежную форму агенса с имперсоналом и различные другие языковые средства (пример 1).

1. **They are kept down by their own weight or by a spring, and they are swung upwards by a centrifugal action ...** (C 115)
— Neid surutakse alla nende oma raskuse või vedru poolt ja nad õõtsuvad ülespoole tsentrifugaaljõu mõjul ... (K 124)

1a. Neid surub alla nende oma raskus ...

1b. Neid surutakse alla nende oma raskusega ...

Особенно лишним и стилистически неуместным является выражение английского предложения с персональной конструкцией при помощи конструкции — poolt в переводе, что не объясняется стремлением к адекватности (пример 2).

2. **Sir William DeWar ... he alluded to as Billy Buttons ...** (Cit 242) — Sir William DeWar ... oli Hope'i poolt ristitud Billy Nööpideks ... (Tsit 240)

2a. Sir William DeWar'i nimetas Hope Billy Nööpideks.

(Вместо слова ristima в переводе более уместно употреблять nimetama и имперфект взамен плюсквамперфекта).

IV. Перевод трехчленного пассива обусловленного синтаксическим фактором

Трехчленный пассив в английском языке употребляется также как и двучленный в синтаксической функции, чтобы объединить несколько сказуемых с подлежащим как субъектной так и объектной связью. Это придает высказыванию большую компактность. Во-вторых, трехчленный пассив оказывает компактность высказывания в случаях, когда с подлежащим связано объектной связью несколько распространенных сказуемых.

При переводе пассива с такой функцией применяются все способы перевода трехчленного пассива, как персональная структура предложения с закономерной инверсией, падежная форма агенса и т. д. Встречается иногда также в переводе конструкция — poolt, но всегда имеются возможности избежать ее.

1. Then I skirted among the wools until I had regained the rear... and was soon warmly welcomed by the faithful party (TI 117) — **Sammusin** siis mööda metsi, kuni rannapoolsest küljest uuesti tara taha **jõudsin**, ja varsti **tervitas mind** soojalt ustav sõprade **ring**. (AS 130)

2. The part of the spinal cord which ordinarily receives sensations has been damaged or destroyed by the late sequelae of syphilis. (C 113) — Seljaaju osa, mis tavaliselt aistinguid vastu võtab, on süüfilise hilisema tüsistuse tagajärjel vigastatud või hävitatud. (K 122)

3. They were embarrassed by the footmen, awed by the automatic elevator, oppressed by a hallway full of vellum folios... (MA 350) — Arrosmithe viisid kimbatusse teenrid, nad tundsid aukartust automaatlifti ees, neid masendas suur saal... (A 392)

В первом примере функциональное соответствие в переводе обеспечивает структурная инверсия, а во втором примере агенс пассива отмечается существительным в функции отыменного предлога. В третьем примере подлежащее связано объектной связью с несколькими сказуемыми. В переводе применяются различные способы с персональной конструкцией: инверсия дополнения и глагольное словосочетание **tundsid aukartust**.

Часто стремятся избежать конструкцию — **poolt**, употребляя в переводе порядок слов, который в коммуникативном отношении не соответствует подлиннику. Адекватность перевода, однако, требует функционального соответствия подлиннику и возможности придерживаться этого всегда найдутся.

1. The three pretty girls giggled and were instantly smothered by the navy-blue eye of the chieftain, backed by a hiss from the patriarch. (TrCh 66) — kolm nägusat **neidu kihistasid naerda** ja pealiku meresinised **silmad kutsusid neid** otsekohe **korrale**, mida toetas rauga kuss-kuss. (TCh 58)

1a. Kolm nägusat **neidu kihistasid naerda** ja **neid kutsusid korrale** pealiku meresinised **silmad**...

1b) ...**neid kutsuti korrale** pealiku meresiniste **silmade pilguga**.

В данном примере функционально соответствующий перевод осуществляется с контекстуальной инверсией при персональной и имперсональной структуре предложения.

Выводы

1. В переводе трехчленного пассива английского языка на эстонский язык самым близким по структуре является имперсонал с выражением агенса конструкцией — *roolt*. Но ее ограниченное применение обусловлено расхождением в функциях этих грамматических категорий.

2. Одной из основных функций трехчленного пассива является выражение коммуникативного задания предложения. В эстонском языке эта функция выражается порядком слов. Поэтому в эстонском языке отсутствует потребность использования пассива, и в переводе широко применяется персональная конструкция с инверсией главных членов предложения, обусловленной коммуникативным фактором и структурой предложения.

3. В переводе с персональной конструкцией и инверсией члены логического членения предложения соответствуют членам логического членения трехчленного пассива, хотя они выражаются различными членами предложения. Пациенсу пассива, выраженному в форме подлежащего, соответствует в эстонском предложении дополнение или обстоятельственное дополнение.

4. Применение в переводе персональной конструкции с инверсией более употребительно с личным агенсом, но встречается также с неличным. Перевод трехчленного пассива с персональной конструкцией и инверсией составляет 39%. При этом инверсия дополнения и обстоятельного дополнения является наибольшей (свыше 50%) из всех случаев использования инверсии в переводе.

5. Наряду с персональной конструкцией с закономерной инверсией в переводе трехчленного пассива применяется также имперсонал с заимствованной конструкцией — *roolt*. Обнаруживаются, однако, значительные расхождения в оформлении пациенса подлежащим в пассиве и дополнением или обстоятельным дополнением в имперсонале эстонского языка, за исключением нескольких спорных форм.

6. Несмотря на структурное преимущество и довольно долговременное употребление конструкции — *roolt* в эстонском языке, она все же глубоко не внедрилась. В фольклоре замечается переключение к персональной конструкции, как только отмечается агенс. В старых письменных памятниках и переводах с немецкого языка наблюдается в раннем периоде применение известных падежей для выражения агенса и только позднее начинает превалировать кон-

струкция — *root*. Процент ее применения в современном эстонском языке только 6,4 (по данным научнотехнической литературы). Против конструкции — *root* многократно выступали в эстонской лингвистической литературе.

7. В переводе трехчленного пассива с неличным агенсом широко употребляется выражение агенса известными падежами и с помощью отыменных предлогов и существительных в функции отыменных предлогов (29%), применяя как имперсонал, так и персонал с преобладанием последнего.

8. В общем замечается предпочтение персонала. Применяются различные грамматические и лексические средства (в объеме 20%), которые дают возможность перейти к персональной структуре предложения.

9. Наблюдается замена конструкции — *root* функционально несоответствующим порядком слов, при желании избежать конструкции — *root*. Это с точки зрения адекватности перевода не разрешается и встречается только в объеме 7,8%. В этих случаях всегда имеется возможность прибегать к различным другим средствам.

10. При переводе пассива с синтаксической функцией применяются все способы перевода трехчленного пассива с предпочтением персональной структуры предложения.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ИХ СОКРАЩЕНИЙ

1. SH — J. D. Bernal. *Science in History*. Tallinn 1962.
2. TUA — J. D. Bernal. *Teadus ühiskonna ajaloos*. Tallinn 1962.
3. Eph — A. Einstein, L. Infield. *The Evolution of Physics*. Cambridge 1938.
4. FE — A. Einstein, L. Infield. *Füüsika evolutsioon*. Tõlk. H. Oiglane. Tallinn 1962.
5. C. — N. Wiener. *Cybernetics or Control and Communication in the Animal, and the Machine*. New York 1948.
6. K. — N. Wiener. — *Küberneetika ehk juhtimine ja side loomas ning masinas*. Toimetanud H. Riikoja. Tallinn 1961.
7. PTh — P. Abrahams. *The Path of Thunder*. Moscow 1954.
8. Kr — P. Abrahams. *Kõue rada*. Tõlk. A. Hone. Tallinn 1957.
9. H — J. Aldridge. *The Hunter*. Moscow 1958.
10. Kü — J. Aldridge. *Kütt*. Inglise keelest tõlk. A. Hint. Tallinn 1963.
11. Cit — A. J. Cronin. *The Citadel*. London 1939.
12. Tsit — A. Cronin. *Tsitadell*. Tõlk. G. Meri. Tallinn 1948.
13. ATr — Th. Dreiser. *An American Tragedy I*. Moscow 1951.

14. AT — Th. Dreiser. Ameerika Tragöödia I. Tõlk. J. Lohk. Tallinn 1955.
15. MP — J. Galsworthy. The Forsyte Saga I. The Man of Property. Москва 1956.
16. VM — J. Galsworthy. Forsytide Saaga I, Varakas mees. Inglise keelest tõlk. M. Sillaots. Tartu 1936.
17. TL — J. Galsworthy. To Let. Moscow 1952.
18. VÜ — J. Galsworthy. «Forsyte'ide Saaga III. Välja üürida. Inglise keelest tõlk. M. Sillaots. Tartu 1936.
19. WM — J. Galsworthy. The White Monkey. Leipzig.
20. VA — J. Galsworthy. Valge ahv. Tõlk. A. H. Tammsaare. Tartu 1928.
21. LF — W. Golding. Lord of the Flies. London.
22. KJ — W. Golding. Kärbeste jumal, Inglise keelest tõlkinud H. Rajandi. Tallinn 1964.
23. MA — S. Lewis. Martin Arrowsmith, Jonathan Cape. London.
24. A — S. Lewis. Arrowsmith, Tõlk. J. Seilenthal. Tallinn 1958.
25. Bab — S. Lewis. Babbit. London 1937.
26. B — S. Lewis, Babbit. Inglise keelest tõlk. J. Seilenthal. Tartu 1935.
27. MaE — J. London. Martin Eden. Moscow 1960.
28. ME — J. London. Martin Eden. Inglise keelest tõlk. L. Rajandi. Tallinn 1963.
29. TrCh — J. Steinbeck. Travels with Charley. New York 1963.
30. TCh — J. Steinbeck. Teekond Charley'iga. Tõlk. J. Seppik. Tallinn 1964.
31. TI — R. L. Stevenson. Treasure Island. New York 1926.
32. AS — R. L. Stevenson. Aarete saar. Tõlk. M. Nurme. Tallinn 1958.
33. PDG — O. Wilde. The Picture of Dorian Gray. Moscow 1958.
34. DGP — O. Wilde. Dorian Grey Portree. Tõlk. A. H. Tammsaare. Tartu 1929.

L. Randma

TRANSLATION OF THE THREE-MEMBER ENGLISH PASSIVE INTO ESTONIAN

Summary

In this paper the translation of the English three-member passive is investigated on the basis of translations into Estonian.

Structurally, the most adequate grammatical category for translating the three-member passive is the Estonian impersonal passive with the poolt-construction, a corresponding grammatical loan, to express the agent. But its limited employment, as shown by investigation, can be explained by differences in function of these grammatical categories.

One of the main functions of the English three-member passive is the expression of the communicative factor. In Estonian word order is used for this purpose.

Consequently, the active construction with the inversion of the main parts of the sentence functionally corresponds to the three-member passive and is employed in translation as a rule.

For the translation of the impersonal agent of the three-member passive certain cases and postnominal prepositions are used either with the personal or impersonal construction.

Besides, various other lexical and grammatical means are employed in the translation of the three-member passive, and preference of the personal construction can be observed.

О. Н. Семенова

О ПЕРЕДАЧЕ СЕМАНТИЧЕСКОЙ ОСЛОЖНЕННОСТИ ТЕКСТА НА ЭСТОНСКИЙ ЯЗЫК

(На материале перевода романа А. Н. Толстого
«Петр I»)

Функциональная значимость семантической сложности в художественном произведении¹ и ее обусловленность спецификой языка оригинала, делающей это стилистическое средство особенно трудно воспроизводимым,² определяют значение для теории перевода вопроса о возможностях и средствах передачи семантической сложности на другом языке.

Применительно к роману «Петр I» вопрос приобретает особую остроту из-за конструктивной роли, которую играет смысловая многорядность в этом произведении, в большой степени определяющая его неповторимую индивидуальность.

Она выступает здесь одним из ведущих стилистических средств, пронизывая различные сферы художественной системы романа, затрагивая повествовательную, сюжетную и стилистическую структуры, композицию (в узком смысле этого слова) и язык.³

¹ Б. А. Ларин. О лирике, как разновидности художественной речи. Сб. «Русская речь» II, новая серия.

Б. А. Ларин. Рассказ М. Шолохова «Судьба человека». (Опыт анализа формы) — «Нева», 1959, № 9.

² Хотя принципиальная возможность разрешения этой проблемы отмечается как учеными СССР (Б. А. Ларин. О новых лингвистических исследованиях. Вестник ЛГУ 1959, № 20), так и зарубежными исследователями. (A. O. Aldridge. Problems of the theory of translation in the Eighteenth Century and today. Lange et Litterature. Actes des VIII Congres de la Federation Internationale des Langues et Litterateurs Modernes, Paris, 1961). Она остается до сих пор почти не изученной (основой для дальнейших исследований в этой области на материале различных языков является статья А. В. Федорова. О смысловой многоплановости слова как проблеме художественного перевода. Сб. Теория и критика перевода. Изд. ЛГУ, 1962).

³ Подробнее об этом см. О. Н. Семенова — О семантической сложности речи в романе А. Н. Толстого «Петр I». Сб. «Из истории

В плане теории перевода интерес вызывает не только рассмотрение возможности и границ передачи осложненности значений слов, обусловленной особенностями смысловой структуры лексических единиц и их сочетаемостью, но и смысловой многоплановости текста, поскольку оба типа семантической осложненности в художественной системе романа взаимосвязаны. Однако специфика обоих типов семантической осложненности определяет различия возможностей и средств передачи их на эстонский язык.

Недостаток места позволяет остановиться в данной статье лишь на первом типе смысловой многорядности, а именно — на передаче осложненности значений слова.

При передаче осложненности значений слова является существенным, зависит ли семантическая осложненность от совмещения нескольких узуальных значений, или приходится иметь дело с возникновением наряду с узуальным рядом окказиональных значений. В последнем случае, в силу доминирующей роли контекста, перевод не представляет существенных затруднений.

Примером может служить воссоздание семантической осложненности слова «весел» в сцене бритья бояр, где оно выступает в следующем контексте в начале эпизода:

«...Протискиваясь через набитые народом сени, спрашивали с тревогой: «Ну, что? Ну, как — государь?» Им отвечали со странными усмешками: «Государь **весел**...»⁴

«... Trügidest läbi rahvast täistuubitud eeskodade, pärisid ärevalt: «Noh, mis? noh, kuidas — valitseja?...» Neile vastati veidra naeratusega: «Valitseja on lõbus...»⁵

Как ситуация — ожидание боярами гнева узнавшего о стрелецком бунте царя, — так и контекст — «отвечали со странными усмешками»... предполагают некий второй, затаенный смысл слова «весел». Оно воспринимается как условная маска, скрывающая иное, антонимическое значение.

слов и словарей», Л., изд. ЛГУ, 1963. О. Н. Семенова — Смысловая многоплановость текста в романе А. Н. Толстого «Петр I». Сб. «Исследования по эстетике слова и стилистике художественной литературы». Л., изд. ЛГУ, 1964.

⁴ Толстой А. Н. «Петр Первый». М., «Сов. писатель», 1958, стр. 279. В дальнейшем все цитаты текста даются по указанному изданию.

⁵ Tolstoi Aleksei. Peeter Esimene. Romaan. Eesti Riiklik Kirjastus, Тн., 1959, lk. 343.

Все цитаты текста перевода романа «Петр I» даются по названному изданию.

Эта двуплановость окрашивает и употребление однокоренных лексических единиц в последующем контексте:

«Одних Петр поднимал и целовал, других похлопывал по плечу и каждому говорил **весело**: — Ишь бороду отрастил! Государь мой, в Европе над бородами смеются... Уж одолжи мне ее на радостях...» (стр. 280) и на стр. 281: «...За обедом он опять как будто **повесел**...».

«... Tõstis Peeter mõned üles ja suudles, teistele patsutas õlale ning rääkis kõigile **lõbusalt**: «Tskae — missuguse habeme enesele kasvatanud. Mu isand, Euroopas naerdakse habemete üle... Loovuta ta mulle ses kohtamisrõõmus...» (lk. 343)

«... Lõunalauas oleks ta jälle nagu **lõbusamaks** muutunud...» (lk. 345)

В переводе при помощи лексической единицы «lõbus» точно воссоздается многоплановость слова «весел» и однокоренных с ним слов, обусловленная контекстуальными смысловыми связями, но не зависящая от смысловой структуры этих лексических единиц.

— Иное дело при передаче осложненности значений, обусловленной смысловой структурой слова. Так, при воспроизведении стилистических функций, в первую очередь, диахронной многоплановости слова, предполагающей одновременное использование нескольких значений слова в плане различных лексических систем, переводчик в ряде случаев вынужден апеллировать лишь к одному из нескольких, совмещенных в том же контексте значений. Как правило, в переводе в таких случаях средствами современного литературного языка реализуется старое (т. е. контекстуальное) значение слова (напр. «побили», одновременно означающее у Толстого как «убили», так и «поколотили» передается словом «tapsid», (убили); «огород», соотношенное как со значением «сад», так и со значением места, где возделывают овощи — «aed» (сад) и т. д.).

Хотя основное значение слова передано верно, однако, в силу расхождений в лексических системах оригинала и перевода, стилистическая функция его как архаизма исчезает. Кроме того, непередаваемой остается и стилистическая функция, связанная с многоплановостью слова.

При этом нельзя не отметить, что переводчик везде безошибочно определяет старое значение лексической единицы, использованной в оригинале, очень тонко дифференцируя семантические сдвиги, характерные для слов, общих как для древнерусского, так и для современного русского языков, что лишний раз свидетельствует о его высоком мастерстве.

Материал показывает, что нередко удается преодолеть даже трудности, связанные с передачей стилистических функций семантической осложненности, предполагающей одновременную реализацию в контексте нескольких узуальных значений слова. Переводчиком используются при этом различные возможности.

1. Передача осложненности значений слова с помощью эквивалентной лексической единицы

Такой способ перевода предполагает как совпадение смыслового развития (при передаче диахронной многоплановости) или смысловой структуры слова в системах современного русского и эстонского языков, так и его лексических связей. Примером эквивалентного перевода является воспроизведение осложненности значений таких лексических единиц, как «комедиант» и «душа» эстонскими соответствиями «komejant» и «hing».

«...Новинка будет изрядная...
Театр... не совсем, конечно,
как при французском дворе...
Там, в Версале, на всем свете
преславные актеры и танцоры,
и живописцы и музыканты...
А здесь — я одна, я и трагедии
перекладывай с французского
на русский, я и сочиняй —
чего недостает, я и с
комедиантами возись.» (стр. 535).

«...Suurepärane uudis...
Teater... Muidugi mitte täitsa nii
nagu Prantsuse kuningakojas...
Seal, Versaljes, on üle maailma
kuulsad näitlejad ja tantsijad,
maalikunstnikud ning moose-
kandid... Siin aga olen mina
üks, pane üks tragöödiaid
prantsuse keelest vene keelde
ümbär, luuleta omalt poolt juurde,
mis puudub, jahi komejantidega. (lk. 648)

В оригинале в одном контексте совмещаются слова — «актеры» и «комедианты». В плане семантико-стилистической системы романа это синонимы. Однако они используются стилистически дифференцированно. Этому способствует двуплановость слова «комедианты» в данном контексте, где наряду с его древним значением (комедиант — актер), благодаря языковому сознанию читателя, в известной степени выступает и современное. Последнее создает своеобразную эмоциональную атмосферу, оттеняя противопоставление «актеры — комедианты», подчеркивающее разницу между французскими, профессиональными артистами и московскими доморощенными исполнителями. Кроме того, пейоративность, накладываемая на слово «комедианты» современным языковым сознанием, мотивирована и отношением царевны

Натальи к происходящему: сознанием ею собственного одиночества, неуверенностью в успехе попытки из-за недостатка компетентных помощников и провала существовавшего раньше театра, о котором упоминается в дальнейшем.

Совпадение семантического развития заимствований «комедианты» в русском языке и «Komejandid»⁶ в эстонском, создает возможность предельно точной передачи сложности значений этого слова, возникающей благодаря взаимодействию современного языкового сознания с семантико-стилистической системой романа. Так же передается многоплановость слова «душа»:

«Ныне ты велел платить всем подушно, все души переписал, — около каждой души комиссар крутится, земский, целовальник, плати.» (стр. 559)

«Nüüd — käskisid sa kõigil pea pealt maksta, panid kõik hinged kirja — iga hinge ümber keerleb komissar, semstvo maksunõudja, muudkui maksa.» (lk. 677)

Здесь в реплике посадского, обращенной к Петру, слово «душа» употребляется в старом значении⁷ «человек». Реализованное благодаря контексту, оно закрепляется соотносительностью с наречием «подушно». Однако, благодаря известному воздействию современного значения слова, высказываемое приобретает метафорический характер, раскрывая отношение народа к петровской деятельности, повышая экспрессию высказываемого.

В переводе выражение — panid kõik hinged kirja — iga hinge ümber keerleb komissar, — передает двуплановость оригинала, благодаря совпадению смыслового развития слов «hing» и «душа». При этом в переводе отсутствует соотносительность с предшествующим предложением, так как наречие «подушно» передается соответствием «pea pealt» («поголовно»). Поэтому старое значение слова несколько ослаблено, а современное проявляется более интенсивно.

⁶ См. Картотека для составления толкового словаря эстонского литературного языка. Институт языка и литературы АН Эстонской ССР.

⁷ См. И. И. Срезневский. Материалы для составления древнерусского словаря, т. I, стр. 750.

Ср. также Толковый словарь русского языка, т. 1. М. 1935.

2. Передача осложненности значений слов с помощью нескольких лексических единиц

Однако случаи совпадения смысловой структуры слов оригинала и перевода немногочисленны.

Нередко, при использовании многозначного соответствия, возможны частичные совпадения значений слов оригинала и перевода или их лексических связей. При этом компенсация стилистических функций, возникающих в оригинале благодаря совмещению значений слова, не свойственных его эстонскому соответствию, достигается опорой на другие лексические элементы.

Так, слово «дело», «дела» в 1-ой главе I книги романа «Петр I», играющее благодаря семантической осложненности (оно совмещает в одном контексте 3 значения: 1 — важная работа, 2 — случай, событие, 3 — обстоятельства, положение вещей) значительную стилистическую роль, передается на эстонский язык следующим образом:

«Торгуются, вершат сделки, бьют по рукам. Толкуют о **делах**: дела ныне такие, что в затылке начешешься...»

«Не очень-то верилось, чтобы кукуйские немцы избili этого купчишку. **Дело** темное...».

«Гостинодворцы остались в избе — смутно! Ох смутны, лихи **дела!**». (стр. 22—24)

«Tingivad, sõlmivad lepinguid, löövad käsi kokku. Arutavad **asju** — praegu on lood sellised, et kukal sügelema hakkab.»...

«Ei tahtnud just uskuda, et kukui saksused oleksid selle kaupmehe läbi peksnud. See oli tume **asi!**».

«Kaubahoovi mehed jäid kõrtsi — tumedad! oh, tumedad ning jõledad on **lood!** (lk. 36—39)

Автор сталкивает в этих контекстах три из значений слова «дело»: конкретное — «дело» — крупная, важная работа; прибыльное, выгодное занятие, предприятие, и абстрактные: — «дело» — положение вещей, обстоятельства, и «дело» — случай, происшествие.

Первое значение слова «дело» непосредственно вытекает из предшествующего контекста: — «Торгуются, вершат сделки, бьют по рукам. Толкуют о делах», — т. е. о торговых предприятиях, связанных с повседневным купеческим бытом. Но тут же следует перевод в другой семантический план, связанный с изображением политической борьбы, государственной жизни: «дела нынче такие, что в затылке начешешься». Форма этого предложения, имеющего характер устойчивого словосочетания и связанного с синонимическим

выражением «ну и дела», выявляет второе, абстрактное значение слова «дело»: «положение, обстоятельство». В то же время тесная как смысловая, так и формальная связь с предшествующим контекстом, в частности, с предложением «толкуют о делах», а также дальнейший текст, который продолжает описание кабака, не позволяют полностью оторваться, противопоставить второе употребление слова «дела» — первому. Второе, обобщающее значение слова «дела» остается пока только намеком, который раскрывается в следующей главе романа — эпизоде с избитым человеком, обнажающем характер «таких дел, от которых в затылке начешешься». (См. второй и третий из приведенных выше отрывков текста).

Вместе с тем в заключительном отрывке текста закрепляется многоплановость слова «дело». Выражение «ох смутны, лихи дела» оказывается одновременно связанным и со словосочетанием «дело темное» — оценкой как данного случая, происшествия, так и стрелецких действий вообще и, с другой стороны, с оценкой купеческого положения — торговых дел: «а не свяжешься, — все равно бояре проглотят». Перекликаясь с первым упоминанием о делах «дела такие, что в затылке начешешься», предложение «ох смутны, лихи дела» придает всему эпизоду композиционную законченность, являясь своеобразным «рефреном».

Взаимодействие трех различных значений слова «дело» в одном и том же контексте здесь способствует столкновению двух различных смысловых рядов: изображения купеческого быта и политической борьбы. Слово «дело» перекидывает мост между этими, как будто самостоятельно существующими «планами», и они оказываются взаимообусловленными, сплетаются в один узел — в сложную, противоречивую картину бурлящей Москвы.⁸

Смысловый объем слова «дело» соотносится с несколькими лексическими единицами эстонского языка. Однако из трех значений этого слова, использованных в приведенных выше контекстах, два полностью совпадают со значениями слова «asi»: «дело» 1 — важная работа, предприятие, 2 — случай происшествие; третье («дело» — положение дел, обстоятельства) также перекликается со словом «asi», однако в

---

⁸ См. О. Н. Семенова. О семантической сложности речи в романе А. Н. Толстого «Петр I». Сб. «Из истории слов и словарей», Изд. ЛГУ, Л., 1963.

сочетании «дела такие» для эстонского языкового сознания более естественным является слово «lood»⁹. Вследствие этого, из-за замены слова «asi» другой лексической единицей в первом отрывке текста двуплановость выражения «дела нынче такие» — несколько ослаблена. Однако в известной мере она в переводе воспроизводится, во-первых, благодаря сохранению формальной связи с предшествующим предложением «arutavad asju» «толкуют о делах», а, во-вторых, из-за семантической емкости слова «lood», которое имеет в данном контексте обобщенное, родовое значение. Многоплановость сохраняется в переводе и в заключительном отрывке текста — «смутно! Ох смутны, лихи дела!» «tumedad! oh tumedad ning jõledad on lood!». Перевод реализует не только оба смысловых ряда, связанных со словом «lood» в первом контексте, но, как и в оригинале, заключительное предложение соотносится с выражением «See oli tume asi» (дело темное), обогащаясь еще одним значением. Связь, осуществляемая в оригинале благодаря использованию одной и той же лексической единицы («дело»), воспроизводится в переводе путем повторения эпитета «tume». Сравните: «See oli tume asi» и «tumedad, oh tumedad ning jõledad on lood!», в то время как в оригинале в первом случае мы имеем эпитет «темный» («Дело темное»), а во втором — «смутный». («Ох, смутны, лихи дела»).

Таким образом, здесь, несмотря на частичное расхождение смысловых объемов лексических единиц оригинала и перевода, переводчику удастся воспроизвести стилистические функции, обусловленные смысловой многоплановостью слова оригинала, благодаря опоре на другие лексические элементы.

При помощи различных лексических единиц передается смысловая многоплановость и слова «сахарница» в 1-ой главе III книги, где речь идет о похождениях царевен Машки и Катьки. Слово «сахарница» впервые появляется в следующем контексте:

«...И тут же спросили: «Где живет здесь **немка-сахарница**, которая продает сахар и конфеты?» (стр. 436)

«...Ning pärisid kohe: «Kus elab siin **suhkru-sakslanna**, kes müüb suhkrut ja kompekke?» (lk. 650)

⁹ См. Картотека для составления толкового словаря эстонского литературного языка Института языка и литературы АН ЭССР.

Затем оно неоднократно повторяется на протяжении всего эпизода. Например:

«Голландский посланник любезно проводил царевен к **сахарнице**, до самой ее двери». (стр. 536)

или «... **Сахарница** ответила: — Без денег не отнесу.» (стр. 537)

«... *Hollandi saadik viis tsaarinnad viisakalt **suhkrumüüjanna** juurde*». (lk. 650)

«... *Suhkrumüüja vastas: «Ilma rahata ma ei vii.»* (lk. 650)

Здесь в первом отрывке текста в словосочетании «немка-сахарница» значение слова остается зыбким, а современное осмысление слова создает специфическую тональность высказывания. В последующем контексте автор раскрывает значение слова: «которая продает сахар и конфеты».¹⁰

В дальнейших контекстах слово «сахарница» употребляется уже не атрибутивно, сохраняя характерную для него двуплановость, которая придает эпизоду определенную модальность (отенок иронии).

В переводе для слова «сахарница» имеются 3 соответствия. В первом контексте словосочетание «немка-сахарница» передается «*suhkru-sakslanna*» (дословно: — сахарная немка). В следующих же употреблениях слова «сахарница» ему соответствуют «*suhkrumüüjanna*» и «*suhkrumüüja*» (продавщица сахара. В последнем соответствии отсутствует указание на род).

Последние два соответствия передают значение слова «сахарница» (продавщица сахара) и дают возможность употреблять его не атрибутивно, однако они лишены той специфической окраски, которую придает слову «сахарница» в оригинале связь с другими значениями этой лексической единицы (лакомка, сосуд для сахара). Эта стилистическая функция компенсируется соответствием «*suhkru-sakslanna*», использованным в первом контексте. Благодаря тому, что соответствие «*suhkru-sakslanna*» открывает ряд последующих употреблений слова «сахарница», стилистическая тональность первого соответствия «заряжает» в какой-то мере и остальные. Последнее, однако, ограничивается тем, что

¹⁰ Характерно, что из двух соотносительных суффиксов лица: -ница и -щица, автор использует первый, хотя употребительным для обозначения понятия «продавщица сахара» был суффикс -щица, в то время как первый связывался со значениями: «сосуд для сахара» и уже устаревшим теперь, — «лакомка, сладкоежка». См. В. И. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка. М. 1905, т. III. Это лишний раз указывает на то, что семантическая осложненность является стилистическим средством, а не случайным явлением в романе.

в переводе соответствие «suhkru-sakslanna», окрашенное стилистически, ограничено речью персонажей, в то время как в оригинале этого разделения нет, так как слово «сахарница» переносится и в речь повествователя, что усиливает стилистическую значимость этой лексической единицы.

Несколько ослабленной оказывается функция исторической стилизации, присущая слову «сахарница» в оригинале («сахарница» — в значении «продавщица сахара» воспринимается как устарелое), так как соответствие «suhkrumüüja» лишено оттенка архаичности, так же, как и «suhkru-sakslanna», играющее чисто характерологическую роль. Однако и эта функция в известной степени воспроизводится в переводе благодаря неупотребительности в современной эстонской языковой практике такого слова, как «suhkrumüüjanna».

3. Контекстуальная компенсация осложненности значений слова

Хотя при реализации любой формы смысловой осложненности в оригинале контекст играет ведущую роль, однако при передаче смысловой осложненности функции контекста в оригинале и переводе — различны.

При несовпадении смысловой структуры лексических единиц в подлиннике и переводе актуализация роли контекста в ряде случаев может служить основным средством компенсации синхронной и диахронной многоплановости слова.

Примером последней выступает передача диахронной многоплановости слова «кружало» в следующем отрывке текста, в первой главе I книги романа.

«На Варварке стоит низенькая изба в шесть окон, с коньками и петухами, — **кружало** — царев кабак. Над воротами — бараний череп». (стр. 22)

«Varvarkal seisab madal kuusaknaline maja, nikerdatud harjaga kuked katusel: **joomapaik**tsaarikõrts. Värava kohal on oina pealuu.» (lk. 36)

В оригинале слово «кружало» наряду с терминологическим приобретает и иное значение, так как из-за новизны восприятия этой лексической единицы современным языковым сознанием оживляется ее яркая внутренняя форма. Благодаря актуализации этимологического значения, слово «кружало» приобретает обобщенный смысл, связанный с дальнейшим повествованием.

На эстонский язык оно передается сложением «joomapaik» (питейное место). Последнее отличается экспрессив-

ностью, яркостью внутренней формы; соответствие «joomaraik» передает как первое терминологическое значение слова оригинала, так и стилистическую окрашенность второго. Однако из-за иной этимологии оно не приобретает того обобщенного смысла, который в оригинале подсказывается в данном контексте этимологическим значением слова «кружало».

Функция исторической стилизации, свойственная слову «кружало» как архаической лексической единице, передается в переводе благодаря актуализации контекста — непосредственному воздействию слова «tsaagikõrts», в соседстве с которым и слово «joomaraik» воспринимается как принадлежащее к тому же лексическому пласту.

При синхронной многоплановости старых значений слова контекстуальная компенсация облегчается тем, что воскрешение узуальных устаревших значений предполагает такую же активизацию роли контекста, как и возникновение окказиональных значений.

Примером может служить передача на эстонский язык синхронной многоплановости слова «старец». ¹¹ Эта лексическая единица переводится словом «pühamees» (святой человек).

«...Pärinud lähemalt **pühamees** Avraami järele, tõusis eit õhates: «Astu mu järel».

«...Lõhnas kuumalt vaha viiruki järele. Inimest kolmkümmend või rohkemgi põlvitas pühitud põrandal. Sametise palvepuldil taga luges kõverõlgne mustas papi aluskuues ja skuufiaga mees. Pöörates vana käsitsi kirjutatud palveraamatu lehte, tõstis tuustilist habet küünlatulede poole. Kogu seinä pikkuselt, isegi põrandal, põlesid vanal Novgorodi moel maalitud suurte ja väikeste ikoonide ees küünlad.

Palvust peeti vabakiriku kombel. Lauuldi süngelt, inisevalt. **Pühamehest** paremal pool palvetajate ees põlvitas väike sokuhabemega Vassili Revjakini. Sõrmitsede palvepaela löi ta kord silmad pühakujudele, kord vaatas ümber pöördudes kõõrdi ja tema pilgu all tegid palvetajad ägedamaid kummardusi, isegi veristades laupa vastu põrandat.

Кõverõlgne **pühamees** sulges raamatu, tõstis pea kohale, pöördus: tükati väljakistud habe, noorepoolne nägu lömmilöödud ninaga. Jõllitades suurenenud silmateradega otsekui kohutavat nägemust, ajades väljalöödud hammas-tega suu pärani, kisendas...

Pühamees seisis üleštõstetud raamatuga, kuni nutt muutus üldiseks...» (lk. 393—394)

«**Pühamees** kummardas karja ees võõni ja astus kõrvale.» (lk. 395)

Слово «pühamees» непосредственно не соотносится с основным значением лексической единицы «старец» (человек

¹¹ См. О. Н. Семенова. Ук. соч.

пожилого возраста). Когда-то нейтральное, означавшее «человек святой жизни», оно стало стилистически окрашенным и используется, как правило, в ироническом смысле, приближаясь к русскому «святоша». Таким образом, слова «старец» и «rühamees» соотносительны лишь в известной степени. Однако благодаря достаточной смысловой емкости слова «rühamees» в контексте у него возникает ряд окказиональных значений, параллельных устаревшим значениям лексической единицы «старец» в оригинале (монах, наставник). В известной мере компенсируется контекстом и значение «старый»; во-первых, благодаря тому, что в начале эпизода переводчик, впервые упоминая о старце Авраамии, от которого явился Голиков, использует для передачи слова «старец» иное соответствие «rühaga gaurk» (святой старец), в то время как при втором упоминании словосочетание «старец Авраамий» переводится уже как «rühamees Avraami»; во-вторых, в переводе значение «старый» при употреблении соответствия «rühamees» подсказывается и описанием деталей обстановки, в которой изображается старец. При этом в первой части эпизода слово «rühamees» лишено того иронического оттенка, которое характерно для него в современном эстонском языке. Этому способствует то, что в данном эпизоде уравниваются соответствия «rühaga gaurk» и «rühamees», которые переводчик употребляет применительно к одному и тому же лицу — старцу Авраамии. При этом первое соответствие, словосочетание «rühaga gaurk» иронического оттенка не имеет.

Таким образом, в переводе различными путями воспроизводятся почти все значения слова «старец», свойственные ему в оригинале, за исключением терминологического значения этого слова, характерного для практики раскольников.¹²

Благодаря этому передается и та смысловая осложненность слова «старец» в контексте, которая становится основой для характеристики образа этого раскольника. Однако, если в оригинале обрисовка персонажей осуществляется благодаря смысловому противопоставлению узуальных старых значений слова — новому ряду окказиональных, в переводе это противопоставление имеет иной характер, и здесь наблюдается обратная зависимость. Так, в оригинале главная нагрузка ложится на отрицание основного значения слова «старец» (пожилой человек), которое одновременно раскрывает как терминологическое значение слова, выполняя функ-

---

¹² Следует отметить, что для эстонского читателя воспроизведение этого значения несущественно.

цию исторической стилизации, так и «разоблачает» благолепие образа раскольника. В переводе же из-за отсутствия у лексической единицы «rühamees» значения «пожилой, старый», возникающего здесь лишь окказионально, это противопоставление ослаблено, и окончательное раскрытие образа осуществляется в первую очередь благодаря оживлению современного узуального значения слова «rühamees» («святоша»), которое сочетается с новыми окказиональными значениями («старец» — не старый, не благолепный), отрицая ряд возникших ранее соотносительных оригиналу контекстуальных значений.

С помощью контекстуальной компенсации возможна передача наиболее трудных случаев осложненности значений слова, совмещающих при одном употреблении лексической единицы в оригинале различные формы смысловой многоплановости.

Характерный пример — передача на эстонский язык смысловой многоплановости слова «бесноватый» — лексикализованным словосочетанием «kurjast vaimust vaevatu».

В употреблении этой лексической единицы в оригинале реализуются оба вида осложненности значений слов — как синхронная, так и диахронная многоплановость, которые осложняются еще рядом окказиональных значений. Все это чрезвычайно затрудняет перевод, однако в известной степени и создает для него условия, предполагая уже в оригинале высокую активность контекста.

В следующем отрывке текста речь идет о человеке, сидящем на цепи в келье Нектария. Впервые слово «бесноватый» появляется в следующей фразе:

«Бесноватый мужик, шевелись на цепи в углу, проговорил: — Ночью нынче старичок опять мед жрал...» (стр. 392)

«...Kurjast vaimust vaevatud mees lausus liigutades end nurgas keti otsas: «Vanamees õgis täna öösel jälle mett...» (lk. 479)

Выступающее здесь на первый план этимологическое значение слова «бесноватый», — «одержимый бесом»¹³ эмоционально окрашивается проекцией современного, подсказанного языковым сознанием читателя, иронического значения этого слова.

На эстонский язык оно передается словосочетанием «kurjast vaimust vaevatud» (мучимый злым духом). Послед-

¹³ См. Толковый словарь русского языка под ред. проф. Ушакова, т. I, М., 1935.

нее воссоздает как этимологическое значение, так, в известной мере, и экспрессию слова благодаря новизне этого сочетания для эстонского читателя.

В тех же значениях выступает слово «бесноватый» и в следующем случае:

«А когда в келье никого не случилось, **бесноватый** мужик (сидевший здесь с осени на цепи, в тепле, слава богу) сказал Андрюшке: — Погляди, ложка-то в меду, а с вечера была вымыта, облизни». (стр. 393)

«... Aga kui kedagi ei juhtunud kongis olema, siis ütles And-rjuškale **kujrast vaimust vaevatud mees** (kes istus juba sügisest peale siin keti otsas, soojas, tänu jumalale): «Näe, lusikas on meega koos, aga eile oli puhtaks pestud. Laku ära.» (lk. 400)

Более того, этимологическое значение актуализируется, так как внутренняя форма слова оживляется благодаря предшествующему контексту — реплике Нектария, опротестовывающего обвинение Андрюшки:

«— Собака, дура! То бес был, не я...» (стр. 393)

«... Koer, lolpea! See oli kurat, mitte mina.» (lk. 480)

В дальнейшем этимологическое значение слова «бесноватый» осложняется иными, противопоставленными ему смыслами, возникающими в следующем отрывке текста:

«**Бесноватый** мужик, поглядывая на печь, где лежал ничком Андрюшка, разговаривал: — Тебе долго здесь не прожить, — хил. Старичок тебя в землю вобьет, — ты ему поперек горла воткнулся. Ох, властный старичок, гордый! Царь лесной... Я его насквозь вижу, я, брат, умнее его, — ей-богу... Я всех вас умнее. Действительно, во мне три беса... Первый — падучая, это — сильенький бес... Второй бес — что я ленивый... Кабы не лень, разве бы я сидел на цепи. Третий бес — умен я черезчур, ужас!»... (стр. 394)

«... Vaadates ahjule, kus And-rjuška lamas kummuli, rääkis **kurjast vaimust vaevatu**: «Ega sa siin kaua ela, — liiga hädine. Vanamees peksab su maa sisse, — oled talle põiki kurku läinud. Oh, võimuahne vanamees, kõrk.

Metsakuningas!... Ma näen teda läbi, mina, vennas, olen temast targem — jumala eest... Ma olen teist kõigist targem. Tõe poolest, minus istub kolm kuradit. Esimene — langetõbi, see on tugevavõitu kurat... Teine kurat on see, et olen laisk... Kui poleks laiskust, kas ma siis ahelais istuksin... Kolmas kurat — olen üleliia tark, kohutaval kombel!... (lk. 481)

Этот монолог наполняет слово «бесноватый» новым содержанием, отрицающим первое, этимологическое значение лексической единицы. «Бесноватый» раскрывается здесь, во-первых, как «душевнобольной», таким образом актуализи-

руется и устаревшее узуальное значение слова, а, во-вторых, как «умный, хитрый». Это приводит к тому, что в дальнейших употреблении слово «бесноватый» отличается многоплановостью, совмещая наряду с этимологическим и возникшие вновь значения. Например, в контексте, следующем вскоре за упомянутым монологом:

«Бесноватый мужик потянулся посмотреть. Рванул цепь, выдернул ее вместе с ершом из стены. Андрей испугался было. Мужик сказал, засучиваясь: — Ничего... я так часто делаю. Старец вернется — ерш воткну назад, сяду». (стр. 394)

«Kurjast vaimust vaevatu küünitas vaatama. Rebis ketti, tõmbas ühes pulgaga seinast välja. Andrei ehmuks esiti. Mees ütles, käiseid käärides: «Ära karda... Ma teen tihti nii. Kui vanamees tuleb, pistan pulga tagasi, istun kohale.» (lk. 482)

При этом различные значения находят здесь опору в разных элементах текста. Так, фраза — «Андрей испугался было» связывается с этимологическим значением слова «бесноватый», в то время как последующие строки от слов «мужик сказал...» закрепляют окказиональное значение «бесноватый» — умный, хитрый.¹⁴

¹⁴ Ср. также следующий ниже диалог Нектария с бесноватым мужиком:

«— Иди в моленную... — Не пойду, сказал я тебе, отвязись, — утормо повторил бесноватый мужик... Нектарий вошел со двора, запыхавшись, на бороде — длинные капли воска. Зрочки побелевших глаз сузились в маковое зерно: не то пугал, вернее был вне себя. Завопил перехваченным горлом:

— Евдоким, Евдоким, настал страшный суд... Душу спасай! Один час остался до вечных мук... Ох, ужас! Бесы-то как в тебе ликуют! Спасайся!

— Да ну тебя в болото! закричал Евдоким, злобно замотал башкой. — Каки таки бесы? Сроду их во мне не было. Сам иди ломайся перед дураками...

Нектарий поднял лестовку. Бесноватый мужик, нагнувшись так поглядел исподлобья, — старец на минуту изнемог, присел на лавку.» (стр. 396)

«... Mine palvemajja...»
«Ei lähe, ütlesin sulle juba, jäta rahule», kordas kurjast vaimust vaevatu süngelt. Nektari astus õuest sisse, hingeldades, pikad vahatilgad habemes. Valgeks läinud silmade terad ahenesid magunaivadeks: kas hirmutas või oli pigemini arust ära. Pistis ulguma lämbuva häälega: «Jevdokim, Jevdokim, viimsepäeva kohus on kätte jõudnud...»

Päästa oma hing! Uksainus tund on jäänud veel igaveste piinadeni. Oh, koledus! Kuradid hõiskavad su sees! Päästa end!»
«Käi sohu!» karjus Jevdokim, keerutades vihaselt pead, «Misingused kuradid? Sündimisest saadik pole neid minus olnud. Mine ise ja veiderda lollide ees...»

Нектарий tõstis palvepaela. Kurjast vaimust vaevatu vaatas nõnda kulmude alt, alla kummardudes, et pühamees rammestus hetkeks, istus lavatsile.» (lk. 484)

Доминирующая роль контекста делает возможной передачу семантических модуляций слова «бесноватый», не имеющего эквивалента в эстонском языке. То, что слово «бесноватый» переводится на эстонский язык словосочетанием («kurjast vaimust vaevatud»), хотя и ослабляет несколько экспрессию высказывания, однако не препятствует передаче семантической сложности лексической единицы оригинала. Этому способствует известная лексикализация словосочетания, сначала служащего определением к слову «mees» («мужик»), а затем употребляемого самостоятельно в качестве субъекта с заменой причастия «vaevatud» субстантивированным прилагательным «vaevatu». Тесной связности компонентов словосочетания способствует и аллитерация: «kurjast vaimust vaevatu».

Функции, выполняемые в оригинале оживлением внутренней формы слова «бесноватый», которая по-разному обыгрывается в различных контекстах (сначала акцентируя этимологическое, а затем, в монологе бесноватого мужика — дополнительно возникающие контрастные значения), передаются и в переводе. Во-первых, благодаря тому, что словосочетание «kurjast vaimust vaevatud» передает именно этимологическое значение слова «бесноватый», а во-вторых, из-за общности корня эстонских слов «kurat» (бес) и «kuri» (злой).

Таким образом, благодаря активности контекста, лексикализованное сочетание «kurjast vaimust vaevatud» передает многогранность значений лексической единицы оригинала, приобретающую в переводе чисто окказиональный характер.

Все вышесказанное делает контекстуальную компенсацию одним из наиболее эффективных способов перевода сложности значений слов.

Анализ возможностей передачи семантической сложности в романе «Петр I» позволяет прийти к следующим выводам:

Сложность значений слова (так же, как и большинство форм смысловой многоплановости текста), оказывается обусловленной специфическими особенностями лексико-семантической системы оригинала и представляет большие трудности при переводе. Для их преодоления переводчиком применяются разнообразные средства.

При передаче сложности значений слов оригинала особую трудность представляет семантическая сложность, обусловленная смысловой структурой слова. Основ-

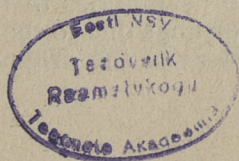
ными способами передачи этого вида осложненности значений слова на эстонский язык являются следующие:

- а) перевод эквивалентной лексической единицей,
- б) перевод при помощи нескольких взаимосвязанных лексических единиц.
- в) контекстуальная компенсация.

В силу различия между лексико-семантическими системами русского и эстонского языков, ограничивающего первый способ перевода, предполагающий совпадение смысловых объемов слова как в синхронном, так и в диахронном плане, продуктивными оказываются второй и третий приемы передачи осложненности значений слов оригинала.

Контекстуальная компенсация наиболее эффективна при передаче синхронной многоплановости старых значений лексических единиц оригинала, предполагающей активизацию роли контекста и сближающейся в этом отношении с реализацией окказиональных значений слова.

Разнообразие лексических ресурсов, изощренность приемов, использованных при переводе, глубокое проникновение в семантико-стилистическую систему оригинала — свидетельствуют о выдающемся мастерстве автора перевода — Фридеберта Тугласа. Анализ передачи семантической осложненности — одной из труднейших сторон художественного произведения в плане перевода — убеждает в принципиальной возможности воссоздания на другом языке, генетически и типологически далеком языку подлинника, сложной, еле уловимой игры смысловых оттенков, обусловленной спецификой лексико-семантической системы оригинала.

**INTERPRETATION OF SEMANTIC COMPLEXITY
IN THE NOVEL «PETER I» BY A. N. TOLSTOY IN ESTONIAN**

Summary

The analysis of various means used in the interpretation of semantic complexity in the novel «Peter I» by A. N. Tolstoy allows to draw the following conclusions:

Semantic complexity which is closely connected with the lexical-semantic system of the original presents great difficulties in translation, and various means are used in rendering it.

In the interpretation of complex meanings of the words of the original special difficulties are presented by semantic complexity arising from the semantic structure of the word.

The principal means to express that kind of complexity of meaning are: translation by means of

- a) an equivalent lexical unit,
- b) several mutually connected lexical units,
- c) contextual compensation.

Lexical-semantic differences in the Russian and Estonian languages present restrictions to the application of the first means of translation, which presumes identity of the semantic volume of words on the diachronic as well as the synchronic plane.

In this case the second and third way of translation of semantic complexity is more suitable and enjoys wide usage.

Contextual compensation is most effective in the expression of synchronic complexity of the ancient meaning of the lexical units in the original. In this it approaches the realization of occasional meanings of the words which presumes intensification of the part of the context.

The variety of lexical resources and subtle literary means prove the mastery of interpretation by F. Tuglas.

The analysis of the translations of semantic complexity shows that adequate interpretation of the original is possible in principle even in languages genealogically distant to the language of the original.

There are possibilities to render meanings difficult to perceive and meanings due to the specific character of the lexical-semantic system of the original.

ТРУДЫ ПО ФИЛОЛОГИИ

I

Таллинский политехнический институт

Редактор Г. Бернер

Технический редактор Л. Лоопер

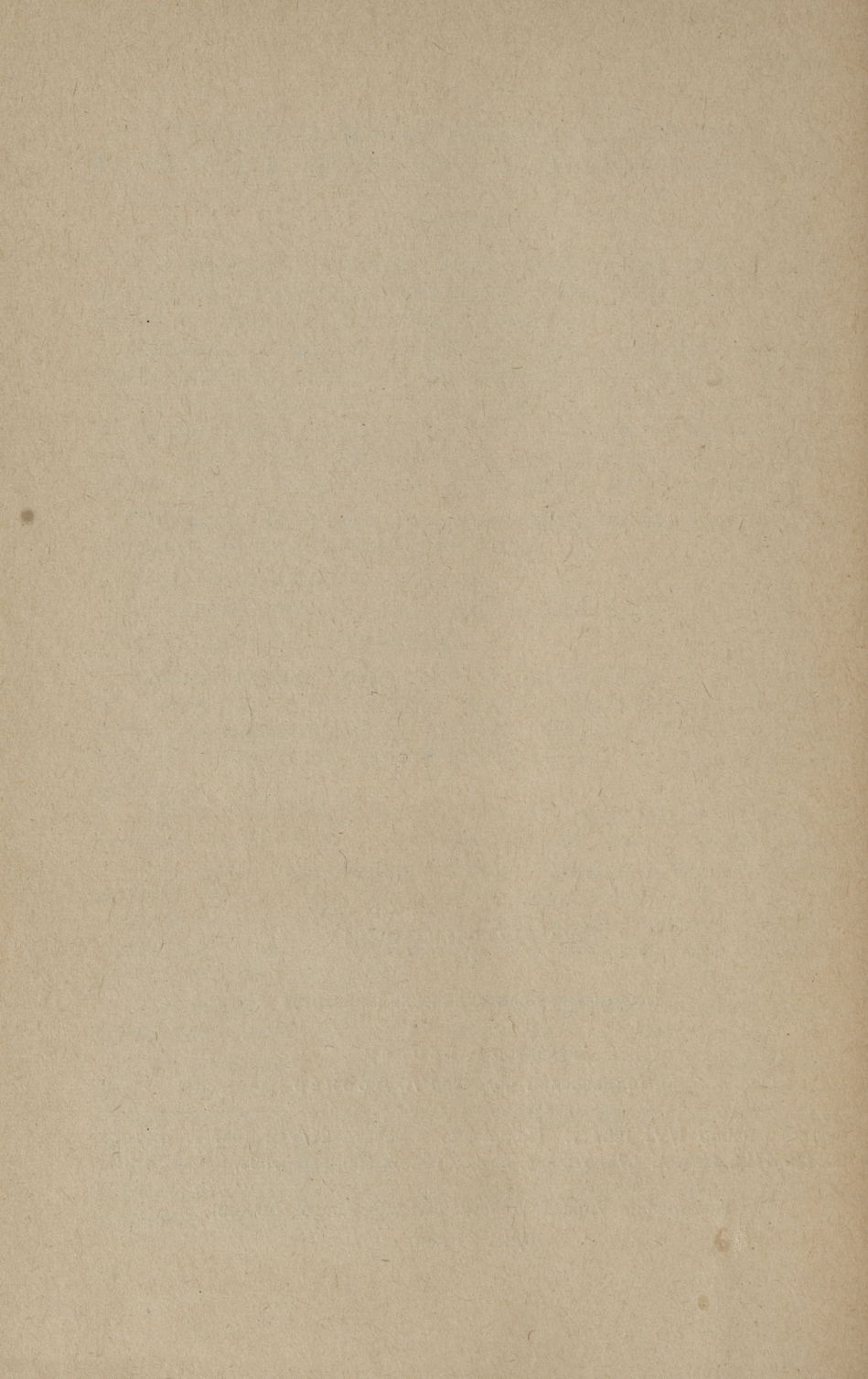

Сдано в набор 1/VI 1967 г. Подписано к печати 21/VIII 1967 г. Бумага 60×90, 1/16. Печ. л. 4,75. Уч.-изд. л. 4,5. Тираж 500. МВ-07893. Заказ № 916.

Типография Управл. Делами СМ ЭССР, гор. Таллин.

Цена 30 коп.

Цена 30 коп.